

Владимир Альбрехт

"При осмотре портфели, принадлежавшего В.Я.Альбрехту, обнаружено было..."

/Из протокола обыска/

КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ОБЫСКЕ

Самиздат

Кровопролитпросвет

Москва, 1976 г.

Просьба рукопись на обысках не
изымать, так как именно это об-
стоятельство увеличивает ее объем[†]

[†] Тем не менее уже изъята, впервые на
обыске у Шихановича в 1974 г. Автор будет
признателен читателям за все сообщения
о случаях, когда его просьба игнорирова-
лась на обыске. Важно также, как в прото-
коле тогда цитировались слова, с которых
рукопись начинается и кончается.

Когда-то писали о восстановлении законности, разумеется социалистической. Большой шел разговор, и даже в газете "Литературной" дискуссии, дискуссии - о праве. Потом тема устарела, поскольку законность восторжествовала. Сейчас газеты уже давно требуют остановить террор чилийской хунты. Но как? Как я, допустим, остановлю террор чилийской хунты, если меня в принципе не может волновать судьба только чилийских коммунистов и не волновать судьба, скажем, китайских, албанских, югославских, чешских, сирийских, иракских и даже индонезийских коммунистов? А потом хунта меня просто не услышит. Я вот Генеральному Прокурору, товарищу моему Руденко три года назад письмо написал /по поводу обыска у меня/, так, представьте, до сих пор нет ответа /см. Приложение № 1/. Спрашивается, надо ли падать духом? По-моему, надо. Когда абсолютно не помогает понимание, уж не поможет ли непонимание?.. Все говорят, надо знать какие-то основы уголовного права. А что - законов обычной морали недостаточно? Я думаю, если есть истина, то она все-таки наивна. Недавно "король-то голый!" - впервые сказал ребенок. Да и мы в некотором смысле дети.

Так не сверлите меня, дорогой читатель, своим доверчивым, конкретным взглядом. Я давно предвижу ваш длинный и важный вопрос № 1.

Вопрос № 1. Итак, вы спокойно спите. Вас будит звонок или стук в дверь, и какой-то приятный голос снаружи говорит, что принесли "международную телеграмму". Обманутая, ваша жена открывает дверь, и оказывается - шутка: пришли с обыском по делу № 24 или по какому-нибудь другому делу о незаконном "чего-нибудь". Требуют выдачи этого самого чего-нибудь. И пока жена переминается в коридоре с одной босой ноги на

другую, те уже деловито приступают с трех сторон. Понятая уже обшарила тещу и повела детей в туалет. Кто-то с фонарем лезет под ванну. Они все ищут и ищут, блестя глазами, почесывая ладони и затылки. И, наконец, уходят, унося с собой пишущую машинку, записные книжки и какие-то бумаги. Спрашивается, что же делать и как быть?

Ответ: Воистину, дурацкая ситуация — это та, которая вполне дурацкая для всех, кто в ней участвует, и для всех, кто ее наблюдает.

По сути дела, вы хотите знать, как нормальный человек должен вести себя в ненормальной обстановке, как хороший актер должен играть в плохой, постыдной пьесе. Что ж, наверное, прежде всего надо спросить себя и их тоже, зачем они, в сущности, пришли? Разумеется, в вашем доме нет плохих книг, вредных, допустим, для СССР. Но в мире!.. В мире существует огромное количество плохих, даже отвратительных книг. Возмущенные люди иногда специально собирали их в кучи и сжигали на кострах. Да, так было. Почему-то потом люди всегда стеснялись это вспоминать. Почему? Наверное, потому, что /в свое время/ они не умели достаточно хорошо отличать добро от зла — ведь трудно, очень трудно...

Все видели, как бывшее добро оказывается обыкновенным злом. Люди сделались осторожнее, стали бояться сжигать плохие книги. И давно уже было замечено, что добро побеждает не столько силой, сколько разумом. По природе своей оно непременно наивно, безгранично, безбрежно. Его оружие — красота.

А зло всегда хочет свернуться в клубок какой-то конкретности. Среда его обитания — трусость, безволие, выгода. Любимое дело —

забота о собственной границе, о корке, о шкурке. Чтоб была толще, чтобы была меньше. У зла политика. Чтобы выжить, ему надо меняться, приспособливаться. У зла тактика и стратегия. А какая стратегия у моря? — Простая. Какая стратегия у неба? У леса? Естественная. Какая тактика у земли, у травы, у солнца? — Красота, правда, вечность. Самый лучший ответ, самый умный ответ, сн всегда честный, но, конечно же, не конкретный. Он смелый, но наивный. И скорее всего, по существу он и вопрос тоже.

Дайте им все, что ни просят. Хотя вам их трудно понять — обязательно трудно понять! Однако: "орудия преступления"? — их нет. Сфантазируйте! Нарисуйте, изобразите! Они любят рукописи... — отлично... Напишите им что-либо заранее или не заранее. Не беда, если вдруг появится эдакий специальный жанр обыскной литературы, литературы для обыскивающих. Они берут пишущую машинку, так отдайте им чернила, карандаши. Ручку свою предложите, чтоб не походило на грабеж.

При изъятии машинописного текста в протокол выносятся как слова, с которых текст начинается, так и слова, которыми он кончается. Порядок этот нельзя нарушать, даже когда он чем-либо неудобен или вызывает смех у присутствующих. Так было в случае изъятия настоящей брошюры /см. титульный лист сверху/ На обыске у А.Твердохлебова изъятым оказалось мое письмо, заканчивающееся словами: "...если мы существуем еще, если мы живем и дышим, то лишь одно это означает доподлинно, что есть на Земле нашей Бог". К сожалению эту фразу в протокол не внесли.

Большим спросом на обыске пользуется какой-то "клеветнический материал", он же "анти-советский". Поэтому в доме хорошо иметь некоторое число старых газетных вырезок, на-

пример про С о л ж е н и ц ы н а или академика С а х а р о в а, и выдавать их по первому требованию пришельцев. В экстренных случаях их можно одалживать по телефону у дурзей, а хранить сообща где-нибудь особо или, наоборот, в открытом доступе, в туалете /кстати, инструкция советует начинать обыск с туалета/. Но главное - не забудьте все-таки должным образом отметить все в протоколе. Понятно, в нужный момент юмора иногда просто не хватает. Да и хорошо смеется тот, кто смеется последним. Но в том-то и дело: ведь кто будет смеяться последним, они не знают так же, как и вы.

Вы хотите сохранить свое достоинство? А главное как раз в том, чтобы напомнить им об их достоинстве. Они о нем забыли. А они люди. Ведь даже школьники знают, что подсматривать и обыскивать стыдно. По закону так же стыдно, как и без закона. Нет, напомнить этим людям, что и они люди, что сами они и их дети заслуживают и жалости, и сострадания, совсем нелишне. Это трудно? Да!

Потому что добро и зло говорят на разных языках. Но все-таки не говорите долго на их языке. Пусть они привыкают к вашему. И не бойтесь, что не поймут, не поверят или что вы окажетесь наивным. Наоборот, они отлично знают - вы честный человек, потому-то к вам и пришли. Они полагают, вы им все расскажете, очень надеются. Им так нужны честные люди, особенно свежие... Ах, свежие, честные люди! Где их только нет. Ведь даже среди н и х самих есть честные симпатичные люди. Да только убедят ли они вас в этом? Убедят ли?

Вопрос № 2. Вы все так обще, а я горю, не пойму отчего! Объясните же, наконец, отчего происходит обыск и как на нем вести себя?

Ответ: Обыск происходит по разным причинам. Он нужен и важен, хотя сам по себе неприличен всегда. Он отвратителен особенно, когда причины, его вызвавшие, отвратительны. Пожалуй, это одна из тех немногих вещей, про которые нельзя сказать: имеет большое воспитательное значение, так же как, например, про изнасилование. Возможно, поэтому обыски, как и аресты, лучше производить обманом и ночью. Но не огорчайтесь, бесполезно. В некотором смысле обыск — итог вашей жизни, важная веха и даже признание "заслуг". Конечно, вы зря волнуетесь. Хотя, если вы не будете волноваться, то волноваться придется им. Для того и делается обыск, чтобы понять, кому следует волноваться. К сожалению, этого часто не удается понять окончательно. Но бывает разное. Некоторые на своих обысках спят — говорят, например, С л е п а к. Почему? Неизвестно. То ли он воспринимает обыск как затянувшиеся на много лет формальности, связанные с отъездом в Израиль, то ли его добрые сны лучше злой реальности?.. И все же спать на собственном обыске не просто. Попробуйте-ка, когда под кроватью ползают взрослые дяди, сопят и шелестят бумагой. Нет, обычно в таких случаях не спят, и даже некоторое время после тоже не спят. Страх! — понятное дело. Говорят, однажды /на обыске/ кто-то с испуга пережевал пробки во всем переулке. А когда зажгли свечи, чуть весь дом не спалили. Причина простая. На сухом языке протокола это якобы называется "дрожанием руки заинтересованного лица на почве глубокого потрясения". Разумеется, переулок может потерпеть, но бывает хуже. Одного понятого, рассказывают, током убило. Полез освидетельствовать на антресоли и погиб "при исполнении служебных обязанностей". А другого чуть не зашибло чемоданом с Самиздатом. И ведь ясно видел летящий на голову чемодан с Самиздатом, но отскочить не мог: то ли — нервы, то ли —

нездоровый интерес. Такая работа, говорят. Да только можно ли верить?

Вопрос № 3. Когда они могут прийти?

Ответ: Обыски, в основном, бывают двух видов: предпраздничные и не предпраздничные. Случаются еще обыски в конце месяца, в конце года, а также в связи с приездом или отъездом важной персоны. Например, в 1972 году было сразу штук 15 обысков накануне Дня победы над фашизмом, из них у меня — два. У Т в е р д о х л е б о в а имело место три обыска в конце месяца, из них один — в конце года и один после важных переговоров. Обыскиваемый, конечно, не может знать, когда к нему придут, однако он должен понять, что в этот же день его, по всей видимости, еще и допросят. Значит, в воскресенье или в субботу они вряд ли явятся, скорее всего в пятницу. Хотя ни в чем нельзя быть уверенным. Тем более если план невыполнен, или обыски происходят в силу взятых кем-то повышенных обязательств. Социалистических, разумеется.

Вопрос № 4. Что такое "клеветническая" литература или хотя бы "антисоветская" /на их жаргоне ее как будто называют сокращенно "античная"/?

Ответ: Это та самая литература, про которую невозможно вспомнить, где ее взяли. Впрочем, как же — у тех, кто умер, и у тех, кто уехал. Но подумайте, нужен ли вам этот серпантин? Вы же мыслящее существо! Сейчас, в XX веке, уже пора бы знать точное определение. И список — чего нельзя. Да и куда, к кому обращаться за справками? Пусть вам покажут, где "антисоветская", а где "клеветническая", хоть абзац, хоть слово... Если это очень просто, зачем нужен на суде эксперт? На вопросы: "Кто дал?", "Где взял?" — вы, наверное, ответите, но не сейчас и не

здесь /а на допросе/. Там вы, конечно, скажете громко и удивлено: "Какое ваше дело, где взял? Неужто вас это интересует? Неужто еще не стыдно? Да и как убедиться, что это имеет отношение к делу /и именно к тому, по которому вас будут допрашивать/?"

Так вы скажете им потом, не сейчас, не здесь.

Вопрос № 5. Надо ли наблюдать за ними, кабы чего не вышло?

Ответ: В общем, не мешает. Пусть обыскивают, да только знают меру. Как бы случайно сами себя не обшарили. Говорят, когда-то на обыске в квартире Ш и х а н о в и ч а сумочка понятой уже совсем подвергалась до-смотру, но, надо отдать должное, спохватились.

Вопрос № 6. На каком основании можно не подписывать протокол обыска?

Ответ: Основания возникают очень часто и помногу. Вы вправе не излагать их сразу, можете потом отослать их по почте, сославшись /в протоколе/, например, на позднее время, допустим, 2 часа ночи. Ведь вы устали и хотите спать. Или вы ссылаетесь на слишком большую продолжительность экзекуции /у известного писателя Н е к р а с о в а обыск шел 26 часов/. Разумеется, и в самом протоколе в качестве замечаний к нему вы имеете право указать на нарушения. Чаще всего это:

- фактическое отсутствие понятых, т.е. их непосредственное участие в поисках;
- несоответствие изъятого требованию орде-ра;
- всякие неточности в описаниях;
- неуказание в протоколе всех лиц, присут-

ствовавших при обыске или участвовавших в нем;
- наконец, различные другие неточности.

Главное - не ленитесь писать. Нарушения, замеченные вами, - это случайные ошибки следствия или не случайные свидетельства его циничной хитрости и, конечно, особой его заинтересованности. Но только не путайте, пожалуйста, аргументацию с интуицией. Аргументация - это совсем не то самое, когда вам кажется или вы даже уверены, что Иванов - стукач.

Короче говоря, подпишете вы протокол обыска или нет, у вас все равно есть повод изложить в нем собственные сентенции, допустим: "антисоветская литература", возможно, действительно очень вредна, но устраивать из-за нее гинекологический осмотр ни к чему /говорят, в Киеве на обыске у писателя Некрасова присутствующих женщин раздевала догола специально приглашенная для этого прапорщица КГБ по фамилии Томашевская/.

Вопрос № 7. Случаются ли у них оплошности?

Ответ: Случаются, и не только на обыске - на допросе, на суде /конечно, главным образом - на суде, там суммируются основные из них/. Чаще всего допрос идет после обыска. Наоборот бывает тоже, хотя в этом случае непременно произойдет оплошность либо со стороны следствия, либо со стороны свидетеля, которого в конце концов обыщут. Жизнь сложна, всего не предусмотреть.

Представьте себе такую ситуацию. После утомительного допроса математика, доктора наук А. /по делу другого математика, кандидата наук В./, некий следователь С. едет на дом, разумеется к А., на предмет изъятия

писем обвиняемого В. к свидетелю А. По дороге А. и С. тоже разговаривают, и нельзя не отметить с сожалением, что, по-видимому, всякое общение следователя с математиком тягостно для следователя. Математики, как известно, рассуждают логично, поэтому их допрашивать, а тем более судить — трудно /другое дело — писатели/. Короче говоря, следователь С. не только поленился оформить изъятие письма протоколом, но даже не посмотрел как следует на то, что взял. Ему это показалось неважным, ведь на следующий день А. должен был опять прийти на допрос. Однако А. был предусмотрительным: сразу по получении писем по почте он вырезал из них особо конфиденциальную информацию. Теперь тот факт, что письма содержат вырезы, оформить задним числом в протоколе представлялось делом затруднительным. На следующий день С. все-таки уговорил А. оформить изъятие так, как будто А. сам принес письма сию минуту. Первый вопрос к А. в последовавшем затем допросе оказался весьма примечательным: "В двух письмах, только что переданных вами следствию, имеются вырезы. Кем, когда и с какой целью они сделаны?" Разумеется, А. красиво и обоюдовыгодно со-врал. Он был политическим ссыльным, и что-то определенно мешало ему спросить: "А из чего видно, что я дал письма с вырезами? Суд же чего доброго подумает, что вырезы сделали вы сами и пытаетесь на меня свалить. Тем более, вы же уговорили меня /почему-то/ оформить изъятие вчера как принесенное только что!" Такое могло появиться в протоколе, но не появилось. Жаль! И сколько раз в прошлом наблюдали мы случаи, когда следователь и свидетель активно объединялись для общего вранья, совсем незначительного. А чем все кончалось?.. Нет, уж если следователь допустил ошибку /в конце концов, с кем не бывает/, если устранить ее способна только ложь, подумайте хорошенько,

должны ли вы быть соучастником этой лжи, пусть бы даже и молчаливым?

Вопрос № 8. Бывают ли негласные обыски?

Ответ: Очевидно, да. С о л ж е н и ц ы н в своем письме на имя Андропова /в августе 1971 г./ описывает случай, когда приехавшего на пустую дачу Г о р л о в а избili чекисты, которые таинственным образом оказались там. Горлов звал на помощь, потому что его били, а его били именно потому, что он звал на помощь. К сожалению, я лишен возможности процитировать письмо Солженицына, у меня лично его изъяли на обыске вполне гласном.

Кстати, о целях и методах негласного обыска читатель получит представление, если посмотрит французский фильм "Высокий блондин в черном ботинке". Вообще-то негласный обыск - дело незаконное, конечно, проще сказать - преступное. В некотором смысле это даже сравнимо с убийством из-за угла. А чтобы средства были столь отвратительны, надо ведь, чтобы и цели были столь же "высоки".

Вопрос № 9 /трудный/. Как быть, если у вас на обыске взяли "Хронику текущих событий", и вы испугались, наверно потому, что больная жена об этом ничего пока не знает?

Ответ: Сначала подумайте, посчитайте до десяти, а лучше до тысячи. "Хронику" и раньше изымали на обысках. Сам факт изъятия не обязательно приводил к беде. Например, на обыске у Валерия Ч а л и д з е были взяты все вышедшие тогда номера. Но это не помешало Чалидзе уехать за границу /вместе с женой/ для чтения лекций по проблеме защиты прав человека в СССР, хотя куда лучше было бы читать эти лекции здесь, в Москве.

По образованию Чалидзе физик. Его интересовали проблемы защиты прав человека. Наверное, ему и необходима была "Хроника". Вас, допустим, интересует что-то другое, допустим, проблема гласности судопроизводства. Вы не обязаны доказывать всякому, что вас конкретно интересует, но если спрашивают, отчего же не ответить, так, чтобы вас поняли, а главное - расслышали.

Вы не хотите быть арестованным. Тогда, по крайней мере, защищайте себя с достоинством и не перепоручайте это другим /скажем, иностранным корреспондентам/. Ну, а если вас арестуют действительно, и ваш процесс окажется открытым /что само по себе чудо/? Но если на ваш процесс еще и можно будет попасть /конечно, это еще большее чудо/, то ведь даже и в таком случае полностью записать все, что произойдет в таком "открытом" суде, не удастся никогда /таких чудес не бывает/. Поэтому все, что напишет о вас "Хроника", будет определенно неточно, к сожалению, а в строгом смысле - просто ложь. Может быть, теперь, когда нас осудят, вы поймете, что, распространяя "Хронику", вы распространяете заведомую ложь? Великолепное доказательство! Хотя вы же действовали незаметно: была бы правда, вы бы распространяли бы правду. И все-таки вы распространяли ложь только в том случае, если вы сами так считаете. В это время суд, наверное, будет доказывать, что № 10 "клеветнический", поскольку № 9 тоже "клеветнический". Но была ли в этом экземпляре некая крамольная страница? Но о какой "Хронике" идет речь? Простите, "Хроника времен Карла 1X" тоже ведь хроника. /Есть такая у Мери-ме./ А "Хроника" Шекспира? И тоже, заметьте, века средние!

Суд почему-то медлит. Стремясь оптимально решить лишь проблемы сегодняшние, он, по

существо, создает проблемы будущего. Так уже бывало, например, в 1937 г....

Нет, защищая себя, вы не всегда защищаете что-то определенно высокое. Между вашей заинтересованностью в своей судьбе и слишком старыми представлениями о порядочности и благородстве есть, конечно, противоречие, но его никто не должен видеть. Никто абсолютно. Разумеется, ваша больная жена тоже. Между нами говоря, ни слова жене.

Вопрос № 10. Как быть, если нет того, о чем они просят? А если бы было, то надо ли отдавать? Ведь тогда обыска не будет, не так ли?

Ответ: Иногда так. Когда их требования очень конкретны, то выдача какой-то рукописи действительно сможет избавить вас от обыска. Однако нередко они возвращаются. Делать повторные обыски рекомендует инструкция. Таким образом, выдача просимого не надолго утоляет тот самый аппетит, который всегда приходит во время еды. А вам-то важно, чтобы он не приходил, а уходил. Что же делать, спрашивается? Никто не знает. И все-таки приятнее, когда они просят после обыска, а не до него. Но даже и в таком случае я бы заявил в протоколе, что требуемой "Хроники текущих событий" выдать не могу не потому, что в данный момент нет при себе, а потому, что, во-первых, никогда и никому ее практически не даю /тем более незнакомым/, а, во-вторых, она мне крайне необходима ввиду того, что меня интересуют проблемы помощи политическим заключенным. Писать или говорить, что я понятия не имею ни о какой "Хронике", мне, извините, неловко. Ну, а как быть вам?

Зачем-то "Хроника" нужна была и вам? Зачем? Наверно, вы хотели узнать о суде над вашим

знакомым. Наверно, вообще вас интересует проблема гласности информации. Ну, а если вас затруняет формулировка вашей нужды в "Хронике", так и нет, действительно, нужды иметь ее? Есть разве только простое любопытство. Хотя, возможно, вы уверены в своем праве на простое любопытство? Впрочем, на обыске вы можете не говорить и не писать, даже более того...

Рассказывают, однажды, правда, на суде "интеллигентного свидетеля" несколько раз подряд спросили: "Читали ли вы брошюру А м а л ь р и к а "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" Свидетель всякий раз утвердительно отвечал: "Конечно, просуществует. Какие могут быть сомнения!" А ведь у него было два высших образования, аспирантура, он официально работал ночным сторожем и иногда еще печатался в популярных журналах. Что ж, наверное, прикинуться дураком - тоже метод. Только не получил бы он большого распространения: тогда не надо будет и прикидываться.

Вопрос № 11. Можно ли у них что-нибудь отспорить? и стоит ли?

Ответ: В узком смысле - скорее всего нет. По существу это так же бесполезно, как не пускать в дом без ордера на обыск. Не будете же вы драться? А в широком смысле это определенно может оказаться полезным. Попробуйте отвести их нелепые и лицемерные доводы. Действительно, изъяли бы они в свое время Дюринга, так не было бы "Анти-Дюринга". Но, с другой стороны, они преспокойно изымут "Анти-Дюринга" - попробуйте только написать на нем чей-нибудь подозрительный телефонный номер. Да вы, конечно, понимаете: с пустыми руками уходить им нельзя. Но согласитесь: хватать, что попало, что плохо

33850

SZ 119

лежит /дескать, потом отдадим/ - тоже вроде бы нехорошо?

Вопрос № 12. Есть ли возможность сохранить записную книжку с телефонами? Разрешат ли некоторые телефоны переписать в том случае, когда записная книжка изымается?

Ответ: Если, например, каждый телефон записан на отдельной карточке или бумажке, то потом копию протокола обыска /ее вам непременно оставят/ можно использовать как телефонную книжку. Но иногда записную книжку удается сохранить, если просто отказаться выворачивать свои карманы. Просить о чем-либо следователя - не известно стоит ли? Говорят, 25 декабря 1975 года на обыске квартиры Иосифа Бегуна /дело № 41035/38-75 о распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй/ была изъята записная книжка хозяина. По его просьбе следователь Тихонов позволил переписать телефон врача. Но увидев неожиданно телефон автора настоящей брошюры, Тихонов отменил тут же свое решение и загадочно сказал: "Знаем мы, какого врача вам надо".

Вопрос № 13. Могут ли обыскивающие задавать вопросы? Имеют ли право?

Ответ: Могут и имеют право. Но вы имеете право, почти неограниченное, на них не отвечать. Вы частично его утрачиваете, да и то только на допросе, и только в момент, когда расписываетесь об ответственности за отказ от дачи показаний. /См. ст.182 УК. Она, кстати, не слишком сурова и не связана

с лишением свободы¹. / Одновременно вы расписываетесь об ответственности за дачу ложных показаний /ст.181 УК²/.

И все-таки вас спрашивают. Просто не отвечать было бы невежливо. Я думаю, ваши ответы следует разделить на две группы.

Первая. Если спрашивают: "Где туалет?" или: "Как ваша фамилия?", вы соответственно отвечаете: "Полагаю, сами сориентируетесь" или просто подаете паспорт.

Вторая. Когда спрашивают: "Надо ли что-нибудь переписывать /пересчитывать/?", то хорошо, если вы тоже отвечаете вопросом: "А сами вы как думаете?" или: "А как вам положено поступать?" Вопросы особенно характерны в тех случаях, когда обыскивающие хотят какой-то якобы о б о ю д н о й пользы. В трудных случаях можно ответить: "Я обдумаю ваш вопрос" или: "Я подумаю".

Разговоры, которые случаются на обысках, иногда поучительны. Валерий Чалидзе /в сво-

1. "Отказ... от дачи показаний... наказывается исправительными работами на срок до 6 месяцев, или штрафом до 15 руб., или общественным порицанием".

2. "Заведомо ложное показание свидетеля... наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. Те же действия, соединенные с обвинением в особо опасном государственном... преступлении... наказываются лишением свободы на срок от 2 до 7 лет".

Прим. ред.: Примечания, здесь и далее, отмеченные + принадлежат авторам статей или писем. Редакционные примечания отмечаются арабскими цифрами.

ей книге "Права человека и Советский Союз" / приводит следующий эпизод. "У меня на обыске один из сотрудников КГБ, поговорив с кем-то по телефону /в коридоре/, вошел в комнату и сказал мне: "Тут вам кто-то звонил, так я сказал, что вас нет дома. Чтоб н а м не мешали р а б о т а т ь". Я ответил: "Иван Иванович, вы сказали неправду". Он был поражен. Он, наверное, ожидал чего угодно: протестов, требования занести замечание об этом событии в протокол, но никак не того, что его трогательную находчивость я охарактеризую так буднично и вместе с тем так непривычно для него"¹.

Первые контакты на обыске определенно имеют большее значение, чем кажется. Возможно, здесь и решается судьба ваша не в соответствии с конкретной виной, а в соответствии с вашей личностью и какими-то общими целями, о которых мы лишь с трудом способны догадываться. Да о какой вине может идти речь? Вы же понимаете, как трудно по справедливости наказать за распространение идей и мыслей? Как трудно понять, кого и когда наказывать лучше и выгоднее? Так уж будьте сдержанны! Объясняя, что вам что-то не принадлежит, вы же косвенно признаете крамольность этого "что-то" и, во всяком случае, правомерность обыска. Вам никогда не надо оправдываться и доказывать. Доказывать должны они и только они.

Вопрос № 14. Что отвечать, если спрашивают: "Ваше или не ваше?"

Ответ: Казалось бы, их дело найти и указать в протоколе, где и что найдено. К чему рас-

1. Цитированная книга, Нью-Йорк, 1974, с. 42.

спросы? Пока вы не подписали предупреждения об ответственности по ст.ст. 181 и 182 УК /см. выше/, ваши слова не имеют юридической силы. Они могут оказаться полезными следствию, но зачем это знать?

Итак, допустим, что, выворачивая карманы, обыскивающий с интересом спрашивает у своей жертвы: "Эти записные книжки - ваши?" Допустим, жертве тоже стало интересно и вместо ответа "да", она спросила /шутя/: "Если я скажу "мои", то разве вы их отдадите?" Впрочем, возможно, это только теория. А в чем состоит практика?

На обыске у Твердохлебова /в ночь с 27 на 28 ноября 1974 г./ в ящике стола были обнаружены: квитанции на денежные переводы, деньги с запиской /на записке адреса семей политических заключенных/, рядом еще деньги без записки и сертификаты /28 коп./.

- Что это за деньги? - спрашивает обыскивающий.

- Советские, - отвечает Твердохлебов.

- А для чего?

- На них написано: "...обязательны к приему на всей территории СССР".

- Нет, я не о том. Они ваши?

- Если не ошибаюсь, их взяли на моем столе, зачем же спрашивать?

- Нет: здесь две кучки. Одна - вот. Другая - с приколотой запиской. Эти деньги ваши. А эти - для чего?

- Как для чего? На них написано: "...обязательны к приему..."

Разговор заканчивается. Деньги пересчитывают при понятих /всего 152 руб./ и кладут в кучу, где лежит все изымаемое.

Часа через два Твердохлебов жалуется: "Не знаю, как теперь дотянуть до полочки". Услышали и, представьте, помогло - деньги вернули. Сертификаты /28 коп./ тоже. А записку с адресами и квитанции взяли, но беззвучно:

- Откуда только деньги берете... на помощь другим?

- А сбережения скромной жизни моей, - охотно ответил Твердохлебов.

Во всякой квартире могут быть предметы, смысл которых неясен ни с первого, ни с десятого взгляда: отлетевшая деталь швейной машинки, кусок чертежа с чьим-то разорванным телефоном... да мало ли что? А вам, например, неловко признаться в своем неведении. Вот и возникает диалог. Я нарочно не связываю его с обыском у Твердохлебова, как сказал поэт:

с исключительной целью
передать как главное
романтичную таинственность
общей ситуации.

Итак:

- А это что?

- Круг.

- А зачем?

- Геометрическая фигура.

- Нет, я не об этом. Это для чего?

- Полоса.

- Зачем?

- Делит круг.

- Зачем?

- Знаете что, я очень советую - не берите эту ерунду!

Не послушались, взяли. Ну и ладно!

Вопрос № 15. О чем следует написать в протоколе обыска?

Ответ: Обо всем, что, по вашему мнению, является нарушением /см. стр.12/. Подчеркнутая педантичность или, наоборот, безучастность к происходящему большого вреда, наверное, не принесут, хотя вас о чем-то постоянно спрашивают. А ваши ответы? Имеют ли они какое-либо значение, пока вы не подписали предупреждение об ответственности по ст.ст.181 и 182 УК? Как дилетант вы вправе не знать об этом и спросить. Более того, вы, возможно, не поймете объяснений или не согласитесь с ними, но всегда интересно знать, во что конкретно претворятся эти слова ваши в протоколе. В крайнем случае, вы вправе занести свои слова в протокол самостоятельно. Не мешает также попытаться убедить понятых подтвердить правильность вашей записи.

Вопрос № 16. Разрешается ли отправить в школу ребенка?

Ответ: Иногда да, после того, как проверят его портфель. В принципе оттуда, где обыск, не разрешено выходить, хотя в нарушение правил ребенку, а следовательно и вам тоже, делается любезность. Вы признательны, ко-

...но, **но** **вправе** ли вы ее принять? Ведь никогда и ничего они не делают просто так. Их цели? Они очевидны: вы должны "поменьше говорить" про обыск, должны смущаться, бояться. И все-таки лишь тогда конечная и заветная цель их будет достигнута, когда вы "убедитесь", наконец, что даже и среди них есть хорошие люди, с которыми можно говорить и, главное, **с о в е т о в а т ь** - с я. Вероятно, поэтому некоторые из них так откровенно отвратительны, так жестоки, зато все остальные очень вежливы и любезны. Они любезны. Вы тоже.

Однако не забудьте, вам необходимо написать записку учительнице с указанием причины опоздания ребенка в школу, в сухом, деловитом тоне. Кстати, надо ли писать правду? Об этом неплохо посоветоваться с ними. Впрочем, вы же знаете, что надо обязательно писать правду. Обязательно! И хорошо бы в записке даже процитировать особо громкие места из постановления на обыск /не забудьте только оставить себе его копию/.

Вопрос № 17. Что говорить детям?

Ответ: Детям? Детям, по-моему, надо сказать правду. Детям всегда лучше говорить правду, особенно в таких случаях, хотя моя мать говорила ложь - тогда, давно. А что толку?..

Вопрос № 18. Предположим, что обыск происходит в квартире, где много гостей, которые пришли со своими портфелями и сумками, и вдруг выясняется, что у какого-то портфеля не оказалось хозяина /испугался/. Как быть? Следует ли полагать, что содержание портфеля будет приписано хозяину квартиры?

Ответ: Все-таки важно знать, где лежал злополучный портфель: в сундуке, закрытом на

ключ, на антресолях или в прихожей около пальто и т.д. Никому вовсе не надо доказывать, что ему принадлежит или не принадлежит. Доказывать должно следствие. Да и хозяин не обязан нести ответственность за все поступки своих гостей /если они не дети/. Или во всяком случае меньшую, чем правительство за своих граждан. А вот если не найдется владелец злополучного портфеля, то, к великому сожалению, принадлежность многих изъятых вещей можно оспаривать. Например, принадлежность "псевдонаучной" монографии, лежащей, скажем, на подоконнике.

Вопрос № 19. И все-таки как же в таком случае следует вести себя хозяину квартиры? Должен ли он обижаться на чью-то трусость? Следует ли ему заявить: "Если у портфеля нет владельца, напишите в протоколе, что он мой, поскольку его нашли в моем доме"?

Ответ: Нет, так говорить глупо, если не лицемерно. Надо думать, эта ложь не из желания "помочь" следствию и упростить его кропотливую и трудную работу. Да, отвечать за другого никому не хочется, тем более, что отвечать за другого и невозможно.

Труса, безусловно, следует осудить, но внутренне, и не труся, и, главное, не сейчас, не при них. А хозяин, который принимает чужой портфель на себя и думает, что он героически спасает ближнего, в действительности лишь подает другим сомнительный пример... Хотя может и впрямь именно сейчас, пока они не ушли, пока не смутились, прямо сейчас разобратся, чьи у кого бумаги, у кого мысли чьи? Зато потом... Потом отчего-то возникают угрызения. Отчего? От неполноты, что ли? От неясности? Нет! Не говорите мне, что Илья сел из-за бумаг Петра. Я вам так же легко найду того

...стра, что сел из-за бумаг Ильи. Так уж пусть трудятся те, кому положено, и не мешайте им... Охотников копошиться между трусостью и благородством /безрассудством и здравомыслием/ всегда предостаточно. Пусть себе копошатся.

Однако мы позабыли про гостей - хозяину следует о них позаботиться. Надо их как-то развлечь. Нельзя же все время думать только о портфеле. Нет, на месте его владельца я поступил бы правильно.

- Как?

- Правильно. Правильно! А на месте хозяина... Именно на месте хозяина тому, кто меня обыскивает, я сказал бы так: "Вас лично и портфель, который вы держите в руках, я вижу, кажется, впервые. Прошу не беспокоить моих гостей и все вопросы обращать впредь ко мне".

Вопрос № 20. Что имеет смысл требовать на обыске?

Ответ: Чтобы не курили, не шумели, чтобы клали на место взятый предмет, если не хотят унести его с собой. Чтобы не выворачивали ваши карманы. И, конечно, чтобы предъявили ордер на обыск, если он у них есть.

Вопрос № 21. Чего бессмысленно требовать?

Ответ: Того же самого, то есть, чтобы не курили, не шумели, клали на место взятый предмет... А также, чтобы не ломали стену и не долбили пол. И, конечно, ордер на обыск, если его у них нет. Но главное, иногда к сожалению, чтобы не выворачивали карманы.

Вопрос № 22. На что следует рассчитывать?

Ответ: На вежливое обращение и на то, что может быть не сообщат на работу /если им выгодно не сообщать/. И конечно на то, что, изымая обнаруженные в карманах бумажки, они постесняются указать в протоколе, где и при каких обстоятельствах они были обнаружены.

Вопрос № 23. О чем не надо жалеть?

Ответ: О пишущей машинке, которую изымали /вероятно, навсегда/. О всем том, что изымали, и обо всем том, чего не нашли. Но не следует еще сожалеть, что пишущий протокол слишком подробно и нудно записывает каждую мелочь.

Вопрос № 24. Что необходимо сделать сразу?

Ответ: Достать УПК /Уголовно-процессуальный кодекс/ и УК /Уголовный кодекс/, написать краткую и обоснованную жалобу прокурору. Наконец, поскольку предстоит допрос, не мешает посоветоваться с "опытным человеком"†. И очень жаль, если вы забыли переписать для себя полный текст постановления на обыск.

Вопрос № 25. Что они берут? И что, в конце концов, надо делать?

Ответ: В сущности, они этого тоже не знают: обыск — дело творческое. Такое же творчес-

† Среди причин, мешающих следовать дельному совету, есть одна весьма существенная: вы уже соорудили "стройную" версию предстоящего поведения на допросе и боитесь эту версию разрушить. По-видимому, вы хотите сохранить ее девственность для следователя.

кое, как и ваше поведение во время него. А берут они записные книжки, письма, которые пришли по почте, квитанции, пленки с магнитофонами и без магнитофонов и, конечно, пишущие машинки. В Красноярске живет один человек, у которого на обыске взяли лишь фотографию Валерия Р о н к и н а и несколько томов сочинений Маркса-Энгельса. Впоследствии все вернули. Вообще говоря, бывает всяко. То, что не взяли у одного, могут взять у другого. Уйти с пустыми руками им не хочется, но аппетиты, по-видимому, зависят от места и от времени. Изымают даже большевистский Самиздат. Владимиру Г у с а р о в у год назад возвратили изъятую у него давным давно брошюру Мартова, изданную в 1905 году за границей /на папиросной бумаге/. Любят они разные книги и особенно неизданные рукописи /говорят, их потом тайно издают/. Очевидно, рукописи хранить небезопасно. Но что же делать? Может, лучше было бы выучить их наизусть? Одному это не под силу, но можно учить наизусть вскладчину, на троих, на четверых, по договоренности и как подарок любимой к первому мая. Допустим вы живете у меня неделю и читаете роман. Потом я у вас на даче ем-пью-читаю философский трактат. Потом мы вместе где-нибудь живем, читаем и т.д. Но вот беда: общение резко возрастет, и тогда "органам" придется вновь, так сказать, разрешить письменность, либо тряхнуть стариной. Как говорил Швейк, из всякого положения есть два выхода...

Так что, видимо, если уж ходить в гости или принимать гостей, то всем надо само-обыскиваться /это что-то вроде самокритики/ и вообще следить друг за другом. Или уж сделать в двери "глазок" и сидеть голым в голой комнате и никуда, естественно, не ходить. Однако, даже при этом, лучше быть прописанным в одном месте, а жить не в

другом, а в третьем /у меня, представьте, так и было/. Словом, решайте сами. Но, кажется, у вас еще вопрос?

Вопрос № 26. Нельзя ли иметь какие-нибудь писанные краткие правила конспирации?

Ответ: Вот именно, правила, особенно краткие.

Вначале я так и думал - написать правила к о н с п и р а ц и и как определенную степень того идиотизма, на который обязан или вынужден идти нормальный человек, чтобы уберечь интимный мир личных представлений. Конечно, перед тем как подпускать рабочего к станку, ему объясняют технику безопасности. Не логично ли думать, что перед тем как интеллигента под уздцы подведут к культуре, ему что-то подобное объяснят?

Нет, безусловно, какие-то правила "конспирации" были бы полезны, но, понятые утилитарно, и, вместе с тем, изложенные очень кратко, боюсь, не окажутся ли они, в конце концов, ядовитыми?

А с другой стороны, ведь конспирация давно уже существует, наверно, в форме определенного вида "приличия" /или, не знаю, как некая реакция на "конспирацию" самого государства?/.

Давая, например, перепечатать своему знакомому стихи Пастернака, вы определенно предполагаете, что по телефону он не станет об этом говорить открыто. Впрочем, можно специально попросить... А что толку? Представьте, по телефону вам загадочно сообщают: "Вернуть пятого не могу - заболела жена".

Ваше смущение и весь стиль разговора уже

позволяет "кому надо" догадаться о "многом". Вы сердитесь... А что делать? Короче говоря, ваша "конспирация" или "приличие" /все равно как назвать/ должны предвидеть какую-то естественную реакцию и на тот случай, если "конспирация" /или "приличие"/ нарушается собеседником. Хотя, что бы вы ни говорили, собеседник все равно ответит: "Ничего особенного! Сказал - жена заболела гриппом".

К несчастью, не только у телефона, у стен тоже имеются уши. Поэтому приходится иногда не говорить, а писать. Само по себе это, бесспорно, не стимул к творчеству, поскольку написанное потом кладется в унитаз. И вот, кстати, когда я однажды завершал такую процедуру, меня спросили: "Неужели это надежно?"

Я рассердился и объяснил: "Если бы было надежно, я бы это делал с утра до вечера, потому что, когда конец цивилизации, ничего другого не остается". Да и вообще все равно, что делать, когда конец цивилизации.

Конспирация! Если не считать ее навязанным стилем, если не утратить чувства меры, она определенно полезна. Но ведь самая лучшая конспирация - сидеть, не высывая носа, и помалкивать!

В большой и добротной конспирации - всегда большая трусость. Да не тому ли именно учит нас история сотен разных государств и правительств?

Вопрос № 27. Можно ли сказать, что, говоря так много о беззаконии, мы все-таки чего-то определенно не замечаем?

Ответ: Пожалуй, да. Общеизвестно, что если властям невыгодно и там, где им невыгодно,

обысков не происходит. Уважаемому ученому из Москвы легче при необходимости найти справедливость, чем никому не известному садовнику из Калужской области.

Разумеется, закон или практика его использования могут не нравиться, казаться как угодно несправедливыми, точно так же, как несправедливыми могут казаться и сами протесты. Но общество, где практически не достигнуто равенство перед законом всех граждан от садовника до академика, никогда не гарантировано от своего же произвола. Опасен произвол, не только тот "плохой" произвол, который вызывает протесты, но и тот "хороший", который всех как будто бы даже устраивает и протестов не вызывает. Да и вообще — действию плохого закона должна препятствовать не политическая выгода, а мораль.

Экспресс № 28. Тот, который лучше написать, чем произнести, а еще лучше догадаться...

Отчет: у стен бывают уши /иногда с проводами вместо нервных окончаний/. Однажды доктор наук А. в минуту горестных предчувствий попросил жену вслух отнести его архив к Р., но написал ей на бумаге нечто совсем противоположное. На следующий день у Р. состоялся обыск. Воистину: слово написанное дороже слова сказанного. Об этом можно говорить бесконечно.

Кому-то якобы прокручивали магнитофонную запись телефонного разговора. Маловероятно. Тот следователь, который прокручивал, хотя человек "смелый", но наверняка был бы смущен в принципе. Он мог лишь рассчитывать смутить свидетеля больше себя самого. И только смутить, а не возмутить. Ведь тогда, даже очень вежливо и понятно, тот легко объяснил бы и себе и другим, что следова-

тель попросту мерзавец. Интересно, что, как бы ни было дальше, жаловаться в суд невозможно. В таких случаях ведь вне закона оказываются не оба сразу и не суд даже, а все общество в целом.

Вообще, когда следователь становится свидетелем, свидетелю ничего не остается, как стать следователем. Не могут же они оба, в конце концов, оказаться "на равных"? Однако свидетель не обязан при этом копировать своего оппонента в словах, в сути или в методах, а тем более в ссылках на законы. Достаточно сослаться на мораль. Чего еще говорить? Подслушивать надко! Ну, другое дело, когда случайно подслушанная информация становится причиной обыска. И все-таки основная причина - слежка и донос. Когда говорят: "Стены имеют уши", то чаще всего имеют в виду не вделанный в стену микрофон, а просто людей, живущих по соседству. И все-таки, приходя с обыском, они иногда поражают своей необычайной осведомленностью.

Разумеется, так называемые недемократические страны, где производительность труда низка, так же, как и качество продукции, вынуждены иногда в так называемых свободных странах покупать подслушивающую аппаратуру, и за большие деньги. Отсюда, по всей вероятности, ее большая редкость и экстраординарность. Ведь такая аппаратура не о стольком расскажет, о скольком проговорится, когда ее обнаружат. А такое бывает. В Самиздате на эту тему совсем недавно появилось открытое письмо Лидии Васильевны Крючковой /жены председателя Совета церквей евангельских христиан-баптистов/. 26 апреля 1974 года на ее квартире /г. Тула, ул. Агеева, 32/ был установлен электросчетчик. В субботу, 8 июня, по просьбе хозяйки родственник-слесарь снял

счетчик и детально его разобрал. На то, конечно, имелись причины.

Механизм счетчика крепился к корпусу винтами с двойной головкой /они охотно крутились и совершенно не выворачивались/. При внимательном рассмотрении в прорезях были обнаружены едва заметные отверстия. Введя в них иголки, удалось отвернуть винты. За механизмом счетчика оказалась черная пластинка, скрывающая миниатюрный подслушиватель, включенный в сеть в самом счетчике. А на боковой стенке был подклеен микрофон-датчик с надписью по-английски: "Сделано в США".

"Сразу после отключения счетчика, - пишет Крючкова, - вокруг дома возникла суэта". Угрозы и требования со стороны милиции вернуть счетчик, вернуть "что нашли", не прекращались. За домом установили слежку, отключили свет, составили акт, по обвинению в краже задержали родственника-слесаря. Спустя некоторое время свет, разумеется, включили, акт порвали, а родственника-слесаря отпустили. Но по-прежнему требуют отдать "что нашли". Иногда около дома по ночам дежурят какие-то машины /вероятно, опять слушают/.

Интересно следующее место из письма Крючковой: "Недавно, когда я была в городе, меня окликнул следователь: "Ну как, Лидия Васильевна, нашли то, что вы куда-то передали?" "Нашла", - ответила я. "Ну, смотрите, дело не закрыто. Вещь дорогостоящая, будете отвечать за хищение..."

Конечно, само по себе поразительно, что следователь, обязанный арестовать Крючкову за хищение "социалистической собственности", вместо этого летает за ней по городу, как демон, стесняясь открыто вызвать ее

повесткой в свой кабинет, стесняясь даже сказать, что же она похитила.

И обидно, когда именно в таких случаях "собеседники" понимают друг друга с полуслова. Понимать с полуслова могут лишь люди близкие. Что означает: "Отдайте, что нашил"? А что Крючкова нашла? Если ее должны судить /за хищение или находку - неважно/, то почему не судят? Жаль, что она позволила разорвать акт. Впрочем, кое о чем следовательно тоже мог бы догадаться. Во всяком случае, угрожать человеку, который верит в Бога, конечно, и нелепо, и бесполезно, но, наверное, он обязан был так поступить. Хотя если бы Крючкова сама "пригрозила", что будет жаловаться на него по службе, а именно - президенту США /как бы это повлияло на Уотергейтское дело, ее, естественно, не касается/, вот тогда ее слова были бы вполне уместны и удачны, потому что лежали бы не на том уровне. Они не угрожали бы следователю лично, а, наоборот, даже определенным образом помогали ему, выводя из того тупика, в который попал он благодаря американскому устройству для подслушивания.

Известно, что довольно часто люди не говорят, а пишут, опасаясь быть подслушанными. За последние несколько лет вошли в употребление специальные дощечки, на которых запись легко и бесследно стирается. Иногда они /отечественные/ продаются в ГУМе /заграничные, правда, гораздо лучше/. За границей, да и у нас, дети их используют для рисования, а взрослые - для беседы тоже.

Что же будет дальше?

Быть может, когда-нибудь эти дощечки и не окажутся столь необходимыми. Пока, к сожалению, их изымают на обысках. И как знать, не будут ли впоследствии изымать тяжелые

иностранные сейфы, привезенные, допустим, из Америки, где при необходимости рукописи станут мгновенно и автоматически уничтожаться огнем или кислотой... Неправда ли, перспективы заманчивы...

+ + +

Я благодарен читателю за внимание. Я рад быть полезным. Но прошу понять и простить: я не мог быть конкретнее. Потому что нужны, наверное, не инструкции, а такая мелочь, как благородство, совесть, порядочность. И, конечно, ответственность перед культурой.

А в конце к вашим чудесным вопросам разрешите, читатель, мое замечание и мой маленький вопрос: замечание в конце — это уже совсем похоже на протокол. Ничего, оно даже и не столь существенно.

Во время обыска /так уж часто бывает/ непременно сыщется какая-то мелочь, которую вы считали давно и безвозвратно потерянной, например, старая пудреница или бабушкина брошь. Хотя мелочи играют в нашей жизни известную роль, и я безусловно рад за вас, читатель, но тем не менее надеюсь, что на своем обыске или даже непосредственно после него вы найдете для себя нечто более существенное. Я только надеюсь! Конечно, я желаю вам добра. Вам — только и всегда добра. Я хотел еще спросить вас: чего же вы боитесь больше всего? — но я понял это сам. Зачем мудрить? Конечно, больше всего мы боимся огорчить свою мать, свою бедную больную мать, и жену тоже. Тем не менее, по существу нам ведь ничего не остается, как только полагать, что они и боятся того же.

"Незаконным обыском является обыск, произведенный либо не уполномоченным на то лицом, либо лицом, хотя и уполномоченным, но нарушившим ст.ст. 168-171 УПК".

/ст.136 УК РСФСР, п.1 Комментария/

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Приложение 1

Генеральному Прокурору СССР

Р.А. РУДЕНКО

от АЛЬБРЕХТА Владимира Яновича,

Москва, пр.Мира, д.99, кв.152

Ж А Л О Б А

Приношу жалобу на действия старшего следователя по особо важным делам следственного органа отдела КГБ при Совете Министров СССР подполковника Юзепчука, который, воспользовавшись полномочиями, данными ему постановлением следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР от 5 мая 1972 года о проведении обыска, изъял пять кассет магнитофонной пленки.

*Обстоятельства незаконных действий
следователя Юзепчука*

6 мая сего года Юзепчук на основании вышеупомянутого постановления произвел обыск на квартире, где я ранее проживал.

Предложив хозяевам квартиры выдать имеющуюся антисоветскую литературу, выслушав заявления о том, что подобной литературы не имеется, произведя обыск /с 7 часов 45 минут до 9 часов 15 минут/ и не обнаружив литературы, называемой им антисоветской, Юзепчук забрал из квартиры вышеупомянутые пять /5/ кассет магнитофонной ленты, и это — единственное, что им было сочтено антисоветской литературой.

В составленном им протоколе об этих кассетах было написано, что они просто "изъяты".

Разъяснения жалобы

Ясному пониманию происшедшего помогает сравнение с другим протоколом обыска. Этот другой обыск производился также 6 мая с.г. по месту моей прописки следователем того же следственного отдела КГБ при СМ СССР капитаном Харитоновым по поручению старшего следователя по особо важным делам того же следственного отдела подполковника Фоченкова на основании постановления от 5 мая 1972 г. Изъяты на этом обыске предметы /мой старые записные книжки, текст условий выезда советских граждан в капиталистические страны, старые письма, листы с математическими формулами и т.п./ вряд ли кто-либо, разве Юзепчук, назовет антисоветскими. И в протоколе, написанном Харитоновым, сказано, что эти предметы "изъяты для решения вопроса о приобщении их к уголовному

делу, то Юзепчук просто изъял пять кассет, не оставляя никаких надежд на их возвращение без специального истребования.

Статья 171 УПК РСФСР указывает, что при производстве обыска "следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу". Мне трудно поверить, что магнитофонная пленка сама по себе может иметь отношение к какому бы то ни было делу. /Юзепчук не пытался даже проверить в ходе обыска, есть ли записи на пленке или нет, хотя магнитофон был к его услугам./ Но я не криминалист, а простой обыватель, и знаю только то, что магнитную пленку, к сожалению, достать весьма затруднительно.

Я жду от Вас разъяснения следственному отделу КГБ при Совете Министров СССР о недопустимости действий, подобных изъятиям Юзепчука, признания подобных действий неправомерными и распоряжения о возвращении пленки владельцу.

12 мая 1972 г.

Альбрехт В.Я.

Московский почтамт
Контрольно-справочный отдел
от АЛЬБРЕХТА В.Я., прож. по адресу:
Москва, пр. Мира, д.99, кв.152

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу сообщить мне, доставлено ли адресату посланное мною заказное письмо. Письмо было послано 13 мая 1972 г. из Москвы, п/о К-64, квитанция № 190 по адресу: Москва, Пушкинская ул., 15 "а", Прокуратура СССР, Генеральному Прокурору СССР. Письмо было по-

слано с заказным уведомлением, которого я до сих пор не получил.

27 мая 1972 г.

В.Альбрехт

+ + +

Согласно ответу Моспочтамта, письмо в прокуратуру было отослано своевременно, но уведомление затерялось. Магнитофонные пленки возвратили через два года, хотя ответа прокуратуры я так и не дождался...

Приложение 2

/Печать/

Прокуратура

Союз Советских Социалистических Республик

Прокурор

города Харькова

9.7.73 г.

Гр. АЛТУНЯНУ Г.О.

г.Харьков, ул.Космонавтов,

дом 4, кв.84

Сообщаю, что Ваша устная жалоба на незаконное изъятие у Вас пишущей машинки проверена прокуратурой города Харькова.

Проверкой установлено, что 19 сентября 1968 года гр-н ЛЕВИН А.З. добровольно сдал след-

ственным органам пишушую машинку "Мерседес селекта" № 114266.

Как установлено следствием и экспертизой, на этой машинке Вами размножались различные материалы, содержащие клевету на советский государственный и общественный строй.

Поскольку указанная пишущая машинка являлась орудием совершения преступления, то она была приобщена к делу в качестве вещественного доказательства, и вопрос о ней разрешен следственными органами в соответствии с требованиями ст.81 УПК УССР, с содержанием которой Вы были ознакомлены на личном приеме.

Прокурор города Харькова
Советник юстиции В.ГРИЦЕНКО

+ + +

Надо сказать, что хотя гр-не А л т у н я н и Л е в и н и были судимы за клевету на советский государственный и общественный строй, тем не менее и тогда в природе не имелось достаточно данных, позволявших /следствию, экспертизе, но, главное, суду/ утверждать, что "добровольно выданная" Левиным машинка - есть орудие преступления. Конечно, идя навстречу интересам следствия, Алтунян признался в напечатании брошюры академика С а х а р о в а о мирном сосуществовании. Однако суд не счел эту брошюру клеветнической.

Из приведенных ниже двух других ответов на повторные жалобы гр. Алтуняна видно, насколько и как граждане из прокуратуры все-таки кое-что поняли.

+ + +

/Печать/
Прокуратура
Союз Советских Социалистических Республик
Прокурор
Харьковской области
Первая часть
17 августа 1973 г.
№ 03 М/п-70

При ответе ссылайтесь на наш № и дату.

Гор. Харьков . . .ницкого № 4
тел. 2-84-52

Гр-ну АЛТУНЯНУ Генриху Ованесовичу
г. Харьков-103, ул. Космонавтов,
№4, кв. 84

Сообщаю, что Ваша жалоба на действия следственных работников, изъявших принадлежавшую Вам пишущую машинку, прокуратурой Харьковской области проверена.

Установлено, что до 21 июня 1973 г., когда Вы на приеме у прокурора г. Харькова сделали заявление о возврате Вам пишущей машинки, письменных жалоб и, в частности, жалобы от 6 апреля 1973 г. от Вас в прокуратуру г. Харькова и области не поступало.

Что касается изъятой у г. Левина А.З. пишущей машинки "Мерседес селекта" № 114266, принадлежащей Вам, то она была приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

После окончания расследования дела, в соответствии со ст. 81 ч. III Уголовно-процессуального кодекса УССР, эта машинка уничтожена, поскольку она к эксплуатации была непригодна, восстановлению не подлежала, сле-

довательно, не представляла никакой ценности, а от Вас ходатайства о возврате этой машинки с момента ее изъятия с сентября 1968 г. до июня 1973 г. - не поступало.

Помощник прокурора Харьковской области
младший советник юстиции
В. КЛОВАЦКИЙ

/Печать/

ПРОКУРАТУРА
Союз Советских Социалистических Республик
ПРОКУРОР
Харьковской области

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

23 октября 1973 г.
№ 03 М/п-69

При ответе ссылайтесь на наш № и дату.
гор. Харьков, ...ницкого № 4

Гр-ну АЛТУНЯНУ Генриху Ованесовичу
прожив. г. Харьков-103, ул. Космонав-
тов № 4, кв. 84.

Сообщаю, что Ваши жалобы на действия следственных работников, изъявших Вашу пишущую машинку, а также заявление о возврате Вам этой машинки прокуратурой Харьковской области рассмотрено.

Возвратить Вам пишущую машинку в настоящее время не представляется возможным, поскольку она сдана в контору по заготовке вторичного сырья[†].

[†] Наконец, причина!

Как Вам уже ранее сообщалось, со стороны следственных работников, изъявших указанную машинку и впоследствии решивших ее судьбу как вещественного доказательства, нарушений закона допущено не было[†].

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРОКУРОРА ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Старший советник юстиции П.ТРУХИН

Приложение 3

Приведенный ниже протокол - документ необычный, поэтому следует стремиться, по возможности, сохранить присущие ему ошибки, не добавляя всяких иных.

В тексте использован ряд сокращений, некоторые из них удаётся пояснить:

1. "Милиционера Тарусского РОВД с-та ПАВЛОВСКОГО" следует понимать как "милиционера Тарусского районного отделения внутренних дел старшего лейтенанта ПАВЛОВСКОГО", а

[†] Это, очевидно, правда. Нарушение закона было лишь со стороны суда, поскольку суд в приговоре "разрешает вопрос о вещественных доказательствах... Вещи, не являющиеся вещественными доказательствами по делу, возвращаются их законному владельцу" /см. ст.330, а не 81 УПК УССР/. Если еще добавить, что Алтунян не может /см. Гражданский кодекс/ взыскать машинку по суду /у суда/ иначе, как только подав иск на своего же товарища Левина, то положение становится полностью безвыходным и безобразным, а поэтому виновата, в конечном счете, и прокуратура.

"л-т в/с НАХРОВ" соответственно - "лейтенант внутренней службы НАХРОВ".

2. "Квиток" и "квитанция" /см. пункты 12 и 13/ означают, видимо, одно и то же.

3. Что такое "кабура сгп. револьвера" /см. пункт 5/ - неизвестно.

Кроме того, в протоколе гражданка Аникина Александра Варфоломеевна фигурирует сразу двух качествах: она является понятой и одновременно у нее же произведен обыск.

Изъятые вещи принадлежали ее квартиранту Градобоеву, но в протоколе это не указано, несмотря даже на то, что обыском руководил Зам. нач. Тарусского РОВД старший лейтенант Беспалов. Этого тоже, кстати, нет в протоколе.

Обыск происходил, разумеется, без всякого постановления и не 14 октября 1974 г. /как указано по ошибке/, а 14 ноября 1974 г. Многие изъятые вещи не были указаны в протоколе вовсе /см. жалобу/.

+ + +

14 октября 1974 г
г.Тарусса

ПРОТОКОЛ

обнаружения и изъятия

Я начальник инспекции Госпожарнадзора Тарусского РОВД л-т в/с НАХРОВ в присутствии понятых: АНИКИНОЙ Александры Варфоломеевны проживающей г.Тарусса ул.Некрасова, дом 6, КОСТИНОЙ Зинаиды Тимофеевны г.Тарусса ул.Кирова дом 2 с участием милиционера Та-

русского РОВД с-та ПАВЛОВСКОГО при обследовании домовладения по ул. Некрасова дом 6 в противопожарном состоянии были обнаружены следующие вещи:

1. Икона св. Николая угодника 17,5 х 22 см
2. Икона Казанская божья мать 25 х 30 см
3. Икона Св. Николая угодника 25 х 30 см
4. Икона Казанская божья мать 17 х 22 см
5. Кабура сгп револьвера
6. Трудовая книжка на имя КРИНИЦА
7. Пропуск корреспондента совпрессы на имя ЕЛЕВИЧ С.Н.
8. Билет спортсмена на имя ЕЛЕВИЧ С.Н.
9. Удостоверение на имя ударник коммунистического труда на имя ЕЛЕВИЧ Э.К.
10. Членский билет общества красного креста на имя ЕЛЕВИЧ Э.К.
11. Пропуск на имя ЕЛЕВИЧ С.Н.
12. Квитанция №483.
13. Квиток к посылке №16 адресованное ГРАДОБОЕВУ Аркадию Александровичу

Выше перечисленные вещи изымаются и будут находиться в Тарусском РОВД.

При обследовании домовладения и изъятия вещей жалоб и заявлений не поступало.

Подписи /НАХРОВ/ /АНИКИНА/
/КОСТИНА/ /ПАВЛОВСКИЙ/

ЗАЯВЛЕНИЕ

В прокуратуру Калужской области

Прошу вашего вмешательства и помощи, т.к. из-за грубых и циничных действий милиционеров Тарусского РОВД мое положение сложилось крайне серьезно. 20 мая 74 г. я отбыл 7-летнее тюремное заключение за подделку документов и, намаявшись по России в поисках прописки и работы, наконец-то с трудом смог остановиться в Тарусе.

Я и не ожидал, что после заключения меня будут встречать с цветами, но то немногое, что мне удалось создать самому для налаживания нормальной жизни, пошло насмарку из-за безответственных милицейских акций.

14 ноября группа милиционеров и понятых во главе с зам. нач. Тарусского РОВД ст. лейт. Беспаловым Н.М., обманув безграмотную домохозяйку Александру Варфоломеевну Аникину, у которой я прописан, проникли под видом противопожарной инспекции в мою комнату и устроили обыск, перерыв все мои чемоданы и книги. Все это было сделано в обход законов, т.к. милиция не имела ордера на обыск. Ничего криминального, разумеется, найдено не было. Однако милиционеры не извинились, а, наоборот, используя правило, что лучшая защита - это нападение, стали пугать Аникину, заявив ей, что у нее поселился "наркоман", "преступник" и "шпион". Они наглядно аргументировали свои обвинения. К примеру, найдя в ящике молоток, цинично показали насмерть перепуганной хозяйке, как "этой штукой" можно стукнуть по голове. Обвинению в наркоманстве послужило то, что на стене висела фотография наркомана из журнала. Обвинению в

шпионаже послужили письма из-за границы и приемник, предоставленный мне хозяйкой, который они велели ей забрать, объяснив, что я шпион и слушаю "Голос Америки".

Руководивший обыском зам. нач. РОВД Беспалов, разумеется, прекрасно понимал всю незаконность своей акции, т.к. не поставил ни своего имени, ни подписи в протоколе, спихнув всю юридическую ответственность на нач. инспекции госпожнадзора Тарусского РОВД л-та НАХРОВА.

Сам безграмотный протокол заслуживает особого внимания. Посудите сами, в целях противопожарной безопасности изымаются квитанции к посылкам, фотографии, билет Красного Креста моей матери, билет спортсмена моего брата и даже сняли со стены иконы.

В довершение ко всему, умышленно или нет, указали в протоколе число месячной давности.

Все отобранное не походит под состав преступления.

Нач. РОВД майор Володин обещал мне все вернуть; мою устную жалобу тут же отпарировал, поправив меня, что бы не обыск, а досмотр. Русский язык достаточно богат, и я не буду удивлен, узнав вскоре, что милиционеры вообще приходили ко мне на чашечку кофе.

Обыск проходил в мое отсутствие, что позволило милиционерам в своем протоколе записать: "Жалоб и заявлений при осмотре домовладения /заметьте, домовладения, а не чемоданов!/ не поступало". Разумеется, безграмотная хозяйка не могла сделать какое-либо заявление, т.к. у нее при виде милиционеров отнялся язык.

Все это беззаконие отходит на второй план в сравнении с психологической травмой, нанесенной мне.

Голословные обвинения в шпионаже, наркомании, попытке убийства домохозяйки молотком по голове требуют доказательств, и я надеюсь, что работники милиции понесут за это ответственность, но прошу вас понять, что для маленькой Тарусы не требуется никаких доказательств. Слух об обыске и все безответственные циничные заявления милиционеров домохозяйке и понятой быстро распространились по близлежащим улицам и в доме отдыха, где я работаю, т.к. оперативные работники изо всех сил старались оправдать свой незаконный обыск и на следующий день устроили допрос многих работников дома отдыха по поводу моей личности. Никто не отзывался обо мне плохо, но сам факт этой бесцеремонной милицейской акции заставляет думать о разном. Мое имя уже склоняется по разным поводам. Хозяйка дома велела, чтобы я искал другую квартиру. Я попытался ей объяснить, что ни в чем не виноват, но она твердо уверена, что милиция не приедет зря. Психологическая травма оказалась намного страшнее беззакония. Я имею вечное клеймо судимости и, несмотря на букву закона, лишен всех человеческих прав, — даже права жить в собственной квартире с матерью и отцом.

Я крепостной государства, и только по этому праву милиция может безнаказанно врывать в мой дом. Только по этому праву они могут обвинить меня в шпионаже, наркомании и т.п. Только по этому праву я вечно буду человеком бесправным.

И если я возьму справку, что никогда не являлся наркоманом, если милиция не может доказать, что я преступник или шпион, то кто же должен нести ответственность за беззакон-

ние? Кто же должен объяснить обывателю, что все это неправда?

Мне сейчас некуда деваться: на квартиру меня не берут, т.к. слух о визите милиционеров ползет по Тарусе, на работе я не могу избавиться от недоуменных взглядов, и я не представляю себе, что мне делать, так как, уволившись с работы и оставшись без жилья, без средств к существованию, остается лишь один путь - снова в лагерь.

Именно в лагерь, как бы странно это ни звучало, так как, освободившись более полугода назад из лагеря, я не вижу до сих пор никакой разницы в своем положении.

3 декабря 1974 г.

Аркадий Градобоев

Прокуратура
Калужской области
Отдел следственный
10 декабря 1974 г.
№ 84/750

гр-ну ГРАДОБОЕВУ А.А.
г. Таруса
ул. Некрасова, 6

Сообщаю, что Ваша жалоба на незаконное производство обыска работниками милиции направлена для проверки прокурору Тарусского района, который сообщит Вам о принятых мерах.

Прокурор следственного отдела
юрист 1 класса

/Л.ГОРЕЛОВ/

Послесловие

Известно, что 19 декабря, после жалобы Грдобоева, к нему на работу приезжал тарусский прокурор Юлин, однако все изъятое во вратили уже 3 декабря 1974 г.

Приложение

Генеральному
Прокурору СССР РУДЕНКО

от ЛАНДА М.Н., Москов-
ская обл., г. Красногор
Чайковская, 11-37

ЗАЯВЛЕНИЕ

В период с 1971 года по настоящее время я пережила пять обысков, где обычно отбирал все, что попало под видом клеветнической литературы. Я не питаю иллюзий получить назад свое имущество, но просила бы возвратить хотя бы туфли мои⁺, конфискованные и известно когда и на каком суде, но изъяты у меня на обыске 22 сентября 1971 года как якобы "клеветнические". Это дело было начато прокуратурой Московской области, а заканчивалось прокуратурой г.Москвы, следователь Малоедов.

24 января 1975 года

Ланда М.Н.

⁺ В конце концов, туфли вернули.

ПРОТОКОЛ

г. Москва

27 ноября 1974 г.

Старший следователь Следственного отдела
Управления КГБ при СМ СССР по гор. Москве и
Московской области капитан Юриков с учас-
тием понятых:

КУДРЯШИНОЙ Валентины Ивановны, проживающей
по адресу: Московская область, Ногинский
р-н, пос. Воровского, ул. Мичурина, 13, и
СТАРЕЦ Юрия Владимировича, проживающего по
адресу: Москва, Суворовский бульвар, дом 25,
квартира 8,

в присутствии ТВЕРДОХЛЕБОВА Андрея Николае-
вича при содействии оперативных уполномо-
ченных КГБ при СМ СССР ШЕВЧУКА, КАДЫРОВА,
ДУБИНА с соблюдением требований ст. ст. 169-
171 и 176-177 УПК РСФСР, на основании по-
становления ст. следователя след. отд. КГБ
при СМ Литовской ССР майора МАРКЯВИЧУСА
23 октября 1974 г. по его поручению произ-
вел обыск в квартире по адресу: г. Москва,
Лялин переулок, дом 12-а, квартира 1.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право
присутствовать при всех действиях следова-
теля и делать заявления по поводу тех или
иных его действий. Понятым, кроме того,
разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их
обязанность удостоверить факт, содержание
и результаты обыска.

Обыск начат в 20¹⁰ часов⁺, окончен в 6⁴⁵
28.XI.74 г.

+ Вероятно, нелишне было бы дописать:
27.XI.74 г.

Перед началом обыска ТВЕРДОХЛЕБОВУ было предложено добровольно выдать указанные в постановлении на обыск документы, имеющие значение для уголовного дела, на что последний заявил, что таковыми не располагает.

Затем был произведен обыск в 2-х смежных комнатах, подсобных помещениях /принадлежащих ТВЕРДОХЛЕБОВУ/ в общей коммунальной квартире.

При обыске обнаружено и изъято[†]:

1. Записная книжка в малиновой синтетической обложке, вставленная в такого же цвета и материала обложку типа портмоне, в отделениях последней 9 /девять/ различных листков с записями. В записной книжке на странице с буквой "А" запись начинается словами "АКИМОВ Юрий Мих-ч 46 32 64 - дом...", на странице с буквой "Я" запись заканчивается словами "ЯКИМЕНКО Сергей 227 00 14 д.571". Кроме того, в записной книжке обнаружены и изъяты кусочек экспонированной фотопленки, на которой изображена окружность, и квитанции №3461 и №3471 в приеме почтового перевода на сумму 50 /пятьдесят/ рублей каждый, соответственно в Киев ЛИСОВОЙ В.П. и в Ленинград ГЛАГОЛЕВОЙ Р.В.⁺⁺.

Записная книжка, девять листков с записями, кусочек фотопленки и квитанции упакованы в конверт, опечатаны печатью "№56 УКГБ для справок".

[†] Обычно требуется указать место обнаружения и заявления, сделанные обыскиваемым по поводу изъятого.

⁺⁺ Деньги отосланы семьям политических заключенных.

2. В портфеле - в суперобложке под названием "Москва, путеводитель" с видом на Московский Кремль - книга карманного формата под названием "Архипелаг Гулаг" А.СОЛЖЕНИЦЫНА, части 1-я и 2-я, 1973 года издания на русском языке, изданная в Париже на 606 страницах, обложка книги коричневого цвета.

.....

4. Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР №17 за 1974 год на 32 страницах;

5. Стандартный лист бумаги с текстом, исполненным типографским шрифтом, под названием "Они печатали Евангелие" - в двух экземплярах.

6. Брошюра на иностранном языке с печатным текстом на 53 страницах. На обложке изображена скульптура сидящего человека за колючей проволокой, название книги - "CHRIST BEHIND WIRE".

7. Брошюра на иностранном языке с печатным текстом на 51 странице. На обложке название "OUT OF THE DEPTHS".

8. Брошюра на иностранном языке с печатным текстом на 20 листах[†]. На обложке изображена часть географической карты, название брошюры - "FROM THE CATACOMBS".

9. Брошюра на русском языке под названием "Хроника защиты прав в СССР". Выпуск 2 апрель - май 1973 г. Издательство "Хроника", Нью-Йорк 1973 г.

.....

[†] Почему-то листы, а не страницы.

13. Темносинего цвета папка под №23, на обложке надпись "ул.Чкалова, д.48-б, кв.68, САХАРОВУ А.Д."⁺.

.....

18. Листы белой бумаги с машинописным текстом, из них под названиями.

а/ "О письме Александра СОЛЖЕНИЦЫНА "Вождям Советского Союза" на 9 листах...

.....

ж/ "Протокол обыска от 22 февраля 1974 г." на двух листах⁺⁺.

.....

21. Листок белой бумаги в клеточку с рукописным текстом. На одной стороне текст исполнен красителем красного цвета под названием "Баллада про великий недосып"⁺⁺⁺.

.....

23. Листок бумаги в клеточку с текстом, исполненным красителем синего цвета скорописью, на одной стороне одна фраза "передать господину ОЛЬБРЕХТУ"¹, на другой стороне запись "САКАЛАУСКЕНЕ г.Каунас ул.Ригос 15-1 мальчик Жилвокас² 9 лет".

24. Заявление в Международную амнистию г-ну Мартину ЭННАЛСУ на 1 листе.

25. Проект. Международная амнистия. Секция СССР. Статут.

⁺ По-видимому, принадлежит академику Сахарову.

⁺⁺ Если сам обыск - преступление, то протокол - улика? Или нельзя знать, о чем знать нельзя.

⁺⁺⁺ По-видимому, стихи Коржавина.

— — — — —

1. По-видимому, Владимир Альбрехт.

2. Правильно: Жильвикас.

26. Извлечение - "О порядке деятельности в пределах СССР иностранных и международных добровольных обществ и союзов" на 1 листе.

.....

37. Машинописный текст в двух экземплярах на двух листах, каждый под названием "Обращение к Федеральному канцлеру и министру иностранных дел ФРГ от комитета ассоциации граждан немецкой национальности, проживающих в Эстонии", от 18 октября 1974 г.

.....

54. 9 экземпляров машинописного текста под названием "В защиту политзаключенных", каждый экземпляр на 3 листах, подписан "24 октября 1974 года. Андрей САХАРОВ".

.....

56. Машинописный текст на 1 листе за подписью САХАРОВА и ТВЕРДОХЛЕБОВА от 27 мая 1973 г. в Международную лигу прав человека.

.....

61. 18 фотографий с изображением бытового электросчетчика, радиодеталей электросхемы и фотокопии машинописного текста, состоящего из 16 пунктов[†].

Документы, указанные в п.60-61, упакованы в пакет 7.

62. Портативный магнитофон "SUPERSCOPE"
... №6029555...

63. Кассеты для портативного магнитофона в количестве 3-х штук.

[†] Читатель из предыдущего текста легко догадается, о каком электросчетчике идет речь.

64. Пишущая машинка марки "CONTINENTAL" №848759 внешне в и с п р а в н о м состоянии⁺.

Во время обыска в квартиру ТВЕРДОХЛЕБОВА в порядке очередности с разрывом по времени пришли неизвестные граждане, которые при проверке документов оказались...

- САХАРОВ Андрей Дмитриевич, 1921 г.р., уроженец Москвы, проживающий...

- ОРЛОВ Юрий Федорович⁺⁺, 1924 г.р., уроженец Москвы, проживающий по адресу: Москва, Профсоюзная ул., дом 102, корп.7, кв.1,

- ТУРЧИН Валентин Федорович⁺⁺⁺, 1931 г.р., уроженец г.Подольска Московской области, прож. по адресу: Москва, ул.Бутлерова, д.10, кв.207,

- КОВАЛЕВ Сергей Адамович⁺⁺⁺⁺, 1930 г.р., уроженец Середина-Буда Сумской обл., прож. по адресу: Москва, ул.26 Бакинских комиссаров, дом №7, кор.2, кв.71,

- ВЕЛИКАНОВА Татьяна Михайловна⁺⁺⁺⁺, 1932 г.р., урож. Москвы, проживающ. по адресу: Москва, ул.Красикова, дом 19, кв.36.

+ По поводу магнитофона этого не сказано. Почему? Всего на трех обысках у Твердохлебова отобрано беспричинно три пишущих машинки и два магнитофона.

++ Член-корр. АН АрмССР.

+++ Доктор физ.-мат. наук. Председатель советской группы "Международной амнистии".

++++Член инициативной группы по защите прав человека в СССР. В настоящее время осужден по ст.70 УК РСФСР.

++++Член инициативной группы по защите прав человека в СССР.

.....

Изъятые предметы, указанные в п.п. 1-12, 15-61, упакованы в бумажные пакеты и опечатаны печатью №56 для справок УКГБ г.Москвы, на которых имеются подписи понятых.

Других предметов не изымалось.

Заявлений или замечаний по поводу обыска от лиц, участвовавших в обыске и присутствовавших на нем, не поступало.

Протокол оглашен следователем, записано правильно.

Присутствовавшие при обыске ЛИТВИНОВА, САХАРОВ, ОРЛОВ, ТУРЧИН, КОВАЛЕВ, ВЕЛИКАНОВА подписать протокол отказались.

Подпись лица, у которого производился обыск.

ТВЕРДОХЛЕБОВ подписать протокол отказался, не объясняя причины.

Понятые..... Копию протокола получил...
ТВЕРДОХЛЕБОВ.

Копия

В Калининский районный народный суд
г.Москвы

Истец: КРЮЧКОВ Николай Николаевич,
проживающий по адресу: Москва
М-452, Черноморский бульвар, дом 7,
ксерп.2, кв.124.

Ответчик: ТВЕРДОХЛЕБОВ Андрей Нико-
лаевич, проживающий по адресу: Мос-
ква К-62, Лялин пер., дом 12-а
кв.1.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

30 ноября 1974 года я дал А.Н.ТВЕРДОХЛЕБОВУ по его просьбе во временное пользование принадлежащую мне пишущую машинку системы "Эрика" с условием, что он вернет мне ее по первому требованию.

10 января 1975 года я попросил А.Н.ТВЕРДОХЛЕБОВА вернуть мне машинку. Он ответил, что не может этого сделать. Еще несколько раз я обращался к нему с такой же просьбой и получал отказ.

Бюро товарных экспертиз оценило пишущую машинку в 150 рублей.

Прошу народный суд своим решением обязать гражданина ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н. вернуть принадлежащую мне пишущую машинку, в случае невозврата взыскать с него в мою пользу стоимость машинки в сумме 150 рублей, а также судебные издержки.

Крючков

31 января 1975 года

Прилагаемые документы:

- 1/ Исковое заявление в двух экземплярах.
- 2/ Экспертное заключение Бюро товарных экспертиз №0660.

Копия

Председателю Московского
городского суда

АЛМАЗОВУ Л.Е.

от ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н., Москва К-62,
Лялин пер., дом 12-а, кв.1,

на определение Московского горсуда по
делу № 2-322/4-75 Калининского район-
ного народного суда г.Москвы

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Я являюсь ответчиком по делу № 2-322/4-75 Калининского районного народного суда г.Москвы. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе: председательствующий МИХАЙЛОВА В.И., члены - ОСТРОУХОВ М.М. и ПАНКРАТОВА В.П., рассмотрела мою кассационную жалобу 6 марта 1975 года и оставила ее без удовлетворения.

Суть дела

Я взял во временное пользование у истца пишущую машинку с обязательством вернуть ее по первому требованию. Свое обязательство я не выполнил по той причине, что эта пишущая машинка была у меня изъята органами КГБ против моей воли. В исковом заявлении истец требует обязать меня вернуть пишущую машинку. Суд первой инстанции своим решением иск удовлетворил, оценив стоимость

машинки в 120 рублей. Вышеуказанная судебная коллегия оставила это решение без изменения /см. Определение/.

Основания для протеста

1. Неправильное применение ст.151 ГК⁺ РСФСР, вместо подлежащих к применению в данном случае ст.ст.217,219 и 222 /см. Кассационную жалобу/.

2. На заседании судебной коллегии 6 марта я ходатайствовал о приобщении к делу выписки из протокола обыска, свидетельствующей об изъятии пишущей машинки органами КГБ, и копий моей переписки с КГБ, свидетельствующих о моей попытке как можно скорей вернуть машинку истцу /см. Протокол обыска/. В процессе заседания мое ходатайство отклонено не было /в соответствии со ст.291 ГПК РСФСР/ и требования продемонстрировать суду имеющиеся у меня оригиналы этих документов также не было. А после зачитания определения, т.е. после окончания заседания, председательствующий Михайлова В.И. буквально выкинула указанные документы из дела, проговорив: "Заберите ваши незаверенные копии". Если учесть, что ни один советский нотариус не заверит копий с документов, свидетельствующих о деятельности КГБ, то данное поведение председательствующего следует считать заслуживающим специального взыскания.

3. По существу дела, ущерб, нанесенный органами КГБ, несправедливо возлагать на меня, во всяком случае до тех пор, пока я не буду признан в установленном законом порядке виновным в противозаконном использовании пишущей машинки. Тем более несправедливо,

⁺ ГК - Гражданский кодекс.

что сами органы КГБ специально защищены от требований возмещения ущерба по суду статьей 447 ГК¹ РСФСР.

Ходатайство

На основании изложенного и в соответствии со ст. 320 ГК² РСФСР ходатайствую о прине- сении протеста на обжалуемое определение. Считаю, что правильным решением по данному делу будет, как то указано в моей кассаци- онной жалобе, оставить иск без рассмотрения до изменения обстоятельств, снимающих с меня вину за нарушенное обязательство перед истцом. А именно до того времени, когда либо КГБ вернет пишущую машинку, либо я бу- ду признан виновным в противозаконном ее использовании.

22 марта 1975 года

А. Твердохлебов

- Приложения: 1. Определение судебной колле- гии Мосгорсуда от 6 марта 1975 г.
2. Кассационная жалоба.
3. Выписка из протокола обыска,
Письмо в КГБ,
Ответ из КГБ.

Копия по делу
№ 2-322/4-75

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

6 марта 1975 г. Судебная коллегия по граж- данским делам Московского городского суда

-
1. "Ответственность за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, след- ствия, прокуратуры и суда".
 2. "Лица, имеющие право принесения протес- та".

в составе председательствующего МИХАЙЛОВОЙ В.И. и членов ОСТРОУХОВА М.М. и ПАНКРАТОВОЙ В.П., заслушав в открытом судебном заседании по докладу т.МИХАЙЛОВОЙ В.И. дело по кассационной жалобе ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н. на решение Калининского районного народного суда от 17 февраля 1975 г., которым постановлено:

обязать ТВЕРДОХЛЕБОВА Андрея Николаевича передать КРЮЧКОВУ Николаю Николаевичу пишущую машинку марки "Эрика" стоимостью 120 рублей,

у с т а н о в и л а:

КРЮЧКОВ Николай Николаевич предъявил иск к ТВЕРДОХЛЕБОВУ Андрею Николаевичу о возврате пишущей машинки "Эрика" стоимостью 150 рублей. Истец указал, что в ноябре 1974 года по просьбе ответчика передал ему во временное пользование пишущую машинку "Эрика". Ответчик обязался возвратить машинку не позднее января 1975 г., но обязательства своего не выполнил, поэтому и был заявлен настоящий иск.

Народный суд иск удовлетворил.

В кассационной жалобе ТВЕРДОХЛЕБОВ А.Н. просит решение отменить.

Ознакомившись с делом и выслушав стороны, судебная коллегия находит решение правильным, постановленным в соответствии с материалами дела и ст.151 ГК РСФСР.

По делу с бесспорностью установлено, признавалось ответчиком и не оспаривается им в жалобе, что пишущую машинку он действительно взял во временное пользование у истца. Не оспаривает ответчик и то, что пишущая машинка "Эрика" правильно оценена судом в 120 руб. В суде и в судебной коллегии

ответчик иск признал. При таких данных доводы жалобы о том, что у ответчика в настоящее время нет в наличии взятой им во временное пользование пишущей машинки, не могут быть поводом к отмене решения.

Руководствуясь ст.305 ГК¹РСФСР, судебная коллегия

о п р е д е л и л а:

Решение Калининского районного народного суда г.Москвы от 17 февраля 1975 г. оставить без изменения, жалобу ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н. без удовлетворения.

Председательствующий В.И.МИХАЙЛОВА

Члены суда /Подписи/

В Московский городской суд

от ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н., проживающего: Москва К-62, Лялин пер., д.12-а, кв.1, ответчика по гражданскому делу № 2-322/4-75 Калининского районного народного суда г.Москвы

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

Калининский районный народный суд г.Москвы 17 февраля с.г. на основании ст.151 ГК РСФСР вынес решение, обязывающее меня передать истцу КРЮЧКОВУ Н.Н. пишущую машинку марки "Эрика" стоимостью в 120 рублей.

Считаю, что суд неправильно руководствовался ст.151 ГК РСФСР, которая говорит о праве собственника истребовать свое имущество из чужого владения. Я не являюсь в настоящее время владельцем этой машинки и истребовать

ее у меня бессмысленно /это обстоятельство было выяснено в судебном заседании и упоминается в тексте решения суда/. Суд должен был рассматривать это дело по ст.ст.217 и 219 ГК РСФСР о неисполнении обязательства вернуть индивидуально-определенную вещь и о моей обязанности возместить убытки в связи с неисполнением мною обязательства. Неправильная постановка рассмотрения привела к неправильному решению по существу. Дело в том, что на основании ст.222 ГК РСФСР я не должен нести ответственность за неисполнение обязательств, если я не виноват. В кассационном рассмотрении я как лицо, нарушившее обязательство, надеюсь доказать отсутствие своей вины.

Прошу Московский городской суд решение Калининского районного народного суда отменить и оставить иск Крюкова Н.Н. без рассмотрения до изменения обстоятельств, снимающих с меня вину за неисполнение обязательства.

23 февраля 1975 г.

/А.Твердохлебов/

Приложение: марка госпошлины на сумму
1 р. 20 к.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Город Москва

23 декабря 1974 года

Ст. следователь следственного отдела КГБ при СМ СССР капитан ВАЛЕТОВ, следователь того же отдела лейтенант НИКАШКИН с участием сотрудников КГБ при СМ СССР ШЕВЧУКА и ЗАГОРОДНОГО в присутствии ТВЕРДОХЛЕБОВА Андрея Николаевича, понятых: 1. ТАЛАНОВА Анатолия Михайловича, проживающего по адресу: гор. Москва, Семеновская наб., д.3/1,

корп.6, кв.124 и 2. ЧЕРЕЙСКОГО Александра Михайловича, проживающего по адресу: Гор. Москва, 3-я Парковая, д.33, кв.39, на основании постановления ст. следователя следотдела КГБ при СМ Литовской ССР капитана ЛАЗАРЯВИЧЮСА о производстве обыска от 20 декабря 1974 года, руководствуясь требованиями статей 169-171, 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, произвел обыск в квартире ТВЕРДОХЛЕБОВА Андрея Николаевича по адресу: г.Москва, Лялин переулок, дом 12-а, кв.1.

Обыск начат в 07 часов 00 минут.

....

Перед началом обыска в соответствии с требованиями статьи 170 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР ТВЕРДОХЛЕБОВУ Андрею Николаевичу предъявлено постановление о производстве обыска от 20 декабря 1974 года и предложено выдать предметы и документы, имеющие значение для дела.

Ввиду заявления ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н., что у него таковых не имеется, в его квартире, состоящей из двух смежных комнат, был произведен обыск.

В результате обыска обнаружены и изъяты:

1. Пишущая машинка марки "Эрика" №187502 с русским алфавитом и черной лентой, бывшая в употреблении, находящаяся в фабричном футляре черного цвета, б/у;

2.

Обыск окончен в 13 часов 30 минут.

....

Обыск произвел и протокол составил ст.следователь следственного отдела КГБ при СМ СССР капитан - подпись - /ВАЛЕТОВ/

Экземпляр протокола обыска получил ТВЕРДО-
ХЛЕБОВ Андрей Николаевич.

декабря 1974 года

В Комитет государственной безопасности
при СМ Литовской ССР
г. Вильнюс

от ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н., Москва 103062,
Лялин пер., дом 12-а, кв.1

По поручению КГБ при СМ ЛитССР у меня были произведены обыски 27 ноября 1974 г. органами УКГБ по г. Москве и Московской области и 23 декабря 1974 года органами КГБ при СМ СССР. /Кстати, я рассматриваю оба обыска, как неправомерные./ От первого обыска до второго прошло менее месяца - приятно, что вам понадобилось столь недолгое время, чтобы разобраться, что результаты первого обыска вас не удовлетворили. Прошло еще столько же времени, и я напоминаю вам о необходимости вернуть изъятые вещи.

Особенно я прошу в первую очередь вернуть мне пишущую машинку марки "Эрика" №187502 /п.1 перечня изъятий в Протоколе обыска от 23 декабря 1974 года/. Эта машинка - не моя, и мне надо срочно вернуть ее хозяину. Я готов даже оплатить почтовые расходы по отправлению машинки по почте для ускорения дела. Прошу отправить ее по почте с наложенной оплатой пересылки. Оплату гарантирую.

21 января 1975 г.

А. Твердохлебов

28 января 1975 года Гр. ТВЕРДОХЛЕБОВУ А.Н.
4/Т-3 гор. Москва 103062
Лялин пер., дом 12-а,
кв.1

На Ваше заявление от 21 января с. года сообщаем, что вопрос о возвращении изъятых у Вас при обысках предметов будет решен в процессе следствия. В настоящее время решить этот вопрос не представляется возможным.

Ст. следователь КГБ при СМ Литовской ССР

Лазаревичус

Копия

Прокурору г.Москвы
от КРЮЧКОВА Н.Н.

Москва М-452,
Черноморский бульвар,
дом 7, корп.2, кв.124

ЗАЯВЛЕНИЕ

23 декабря 1974 года во время обыска у А.Н.Твердохлебова /Москва К-62, Лялин пер., дом 12-а, кв.1/ органами КГБ была конфискована моя пишущая машинка марки "Эрика" № 187502, которую я дал Твердохлебову 30-го ноября 1974 года.

Прошу вернуть мне машинку.

10 марта 1975 года

Крючков

Копия

Прокурору РСФСР
от Н.Н.КРЮЧКОВА,
Москва М-452,
Черноморский бульвар,
дом 7, корп,2, кв.124

ЗАЯВЛЕНИЕ

23 декабря 1974 года во время обыска у А.Н.Твердохлебова /Москва, Лялин пер., дом 12-а, кв.1/ органами КГБ конфискована моя пишущая машинка "Эрика" № 187502, которую я дал Твердохлебову 30-го ноября 1974 года.

10 марта 1975 года я направил прокурору г.Москвы заявление с просьбой вернуть мне машинку. Никакого ответа. Прокурор г.Москвы, видимо, не считает для себя обязательными законы, принятые в этой стране.

Прошу разобраться в этом деле и вернуть мне машинку.

Крючков

14 апреля 1975 года

Копия

Москва
Черноморский бульвар, дом 7, корп.2,
кв.124

КРЮЧКОВУ Н.Н.

Прокуратура РСФСР
Москва-Центр Кузнецкий мост, д. 13

№ 9/р-75

16 апреля 1975 г.

По Вашей жалобе прокуратуре города Москвы поручено произвести проверку и сообщить Вам о результатах.

Прокурор отдела. Подпись
/Ю.М. ЗВЕРЕВ/

Копия

Гражданину КРЮЧКОВУ Н.Н.
проживающему в гор.Москве М-452,
Черноморский бульвар, дом 7,
корп.2, кв.124

На Ваше заявление от 10 марта 1975 года сообщаем, что вопрос о возврате пишущей машинки "Эрика" № 187502, изъятой 23 декабря 1974 года при обыске на квартире у ТВЕРДОХЛЕБОВА А.Н., будет решен в ходе следствия по уголовному делу.

Подпись -
Старший следователь КГБ при СМ Литовской ССР

"20" мая 1975 года
Н/К-65

В конце обычно приводится список рекомендованной литературы - так принято. Но неужели вы будете читать эти книги? Сколько их, разных, написано - сплошные частотоколы наук! Например, кандидатская диссертация: Оровер, "Технические средства, применяемые при обыске", 1971 г. Устарела, конечно. Зачем вам ее читать? Говоря честно, я бы не хотел!

- Почему?

- Не знаю! Наверное, эти книги чем-то неприятны. В конце концов, если необходимо, процитирую небольшой отрывок, например, из "Основ психологического анализа на предварительном следствии" /автор А.В.Дулов, М., 1973 год, изд. "Юридическая литература", стр.146/:

"При обыске надо постоянно разговаривать с обыскиваемым, задавать ему вопросы о различных осматриваемых предметах. Его речь будет свидетельствовать о внутреннем состоянии, об отношении к действиям следователя или к отдельным предметам. В тембре голоса, манере говорить может скорее появиться действительное отношение человека к происходящему, чем в другой внешней реакции".

Говоря короче, тот, кто обыскивает, должен уметь еще залезать и в душу.

Ну, вот и все.

Старшему следователю Прокуратуры
г.Москвы

ГУСЕВУ С.В.

АЛЬБРЕХТА В.Я., проживающего по
адресу: Москва, Кронштадский
бульвар, д.30, кор.2, кв.431

З А Я В Л Е Н И Е

Рано утром 18 апреля шесть человек в штатском /седьмым был шофер/ остановили меня на улице по пути на работу, посадили в машину и привезли домой. Там, согласно Вашему постановлению от 17 апреля с.г., был произведен обыск. Один из шести назвался сотрудником прокуратуры Тихоновым. Два молодых парня как будто оказались понятыми. Двое других средних лет /один простодушный с оторванным ухом, другой худощавый с пронизательным взглядом/ и еще молодой брюнет, обладатель плохого почерка, но писавший впоследствии протокол - все они, хотя и приняли деятельное участие в обыске, однако ничем имени своего не выдали и в протоколе не упомянуты /за исключением тех, кому должно было быть понятыми/. Наверно, такой порядок не соответствует закону и вот, думаю, почему.

Статья 141 УПК РСФСР требует непременно указания /в протоколе/ фамилии, имени и отчества к а ж д о г о, кто участвует в следственном действии, и подписи каждого из них под протоколом. Необходимо также написать должность и фамилию лица, составившего протокол /см. ст.ст. 176 и 141 УПК/.

Кроме того, обычно перед началом обыска /см. ст.176 УПК/ хозяину предлагают добро-

вольно выдать то, что требуется у него найти, тем более "в отношении предметов..., подлежащих изъятию, должно быть указано, выданы ли они добровольно или изъяты принудительно" /см. ст.176/. Все эти требования УПК были нарушены. ТИХОНОВ ничего не просил выдать добровольно /см. протокол/, да и не мог просить, поскольку не хотел объяснить, по какому поводу производится обыск. Предъявленное им же постановление Тихонов вырвал у меня из рук, не позволив записать даже девятизначный номер дела. Однако при этом Тихонов требовал, чтобы я подписался, что ознакомлен с постановлением /ознакомление обязательно - см. ст.170 УПК/. Конечно, я отказался дать подпись в том, чего в действительности не было. "Заставлять насильно не будем, - заявил Тихонов. - Понятые удостоверят ваш отказ". Потом он почему-то забыл эти слова. А мои попытки их напомнить квалифицировались не иначе как издевательство. Получалось, что я издеваюсь над Тихоновым и еще над пятью неизвестными, которых неизвестно откуда и по какой причине он привел обыскивать мои карманы и мою квартиру.

На основании ст.142¹ при отказе что-либо подписать мне гарантируется возможность дать письменные объяснения. Ст.169 предоставляет право делать заявления в протоколе в с е м лицам, присутствующим на обыске, а ст.176 требует зафиксировать специально факт разъяснения этого права. Тем не менее, даже судя по протоколу, никому, кроме понятых, о праве делать заявления сказано не было. "Ваше заявление может быть клеветническим, - объяснил мне Тихонов. - Скажите, о чем собираетесь написать, и, если я сочту

1. "Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия".

необходимым, ваше заявление окажется в протоколе". Разумеется, я не послушался. И когда, вопреки его запрету, не основанному, кстати сказать, на законе, я начал писать на последней странице протокола, Тихонов вырвал его у меня из рук. В конце концов, он разрешил сделать отдельное заявление, но, прочитав то, что я пишу, опять стал кричать, угрожать, вырывать листы бумаги. Мне все же удалось закончить свое заявление. Я не успел отметить, что в протоколе есть ряд неточностей, неразборчивых мест, неучтенных зачеркиваний /см. стр. 3, 11, 12 и последнюю/. Но в основном протокол написан правильно. Например, в начале сказано, что обыск проведен с соблюдением статьи 168 УПК¹. Так оно, наверно, и было. Соблюдалась одна только эта статья, требованиями остальных Тихонов пренебрег, как видите.

...Возможно, я не проявил необходимой в подобных делах настойчивости, но, надо сказать, не всегда достигали цели мои протесты против того, чтобы бросали куда попало изъятые вещи; против того, чтобы курили при мне и в моей квартире, а главное, против того, чтобы осматривались те места, куда мне не разрешалось в это время входить /см. ст.169 УПК²/.

Насколько я понимаю, обыск моего личного портфеля, пальто, пиджака, не говоря уже о

-
1. "Основания для производства обыска".
 2. "...При обыске... должно быть обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск... Лицам, у которых производится... обыск,.. должно быть разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя..."

карманах брюк, - это личный обыск. Он требует, согласно статье 172 УПК, специального постановления и, вероятно, специального протокола¹. Но мог ли я тогда добиться чего-нибудь реально? Ведь Тихонов даже отказался выдать какой-либо документ, объясняющий мое отсутствие на работе /чем поставил меня в крайне затруднительное положение/.

И не было уверенности, что понятые в состоянии гарантировать от возможного еще большего произвола. Да и кто они? В сущности, поскольку мы приехали вместе и подкатили, нигде не останавливаясь, прямо к подъезду моего дома и поскольку у меня не оказалось при себе паспорта, откуда понятым знать, что обыск происходил по тому адресу, что указан в протоколе, который они подписали? Хотя это уже дело их молчаливой совести.

Итак, допустим, пока нет оснований судить, в какой мере все изложенное выше, а тем более изъяты документы "Международной амнистии", послужат тому делу, девятизначный номер которого Тихонов почему-то скрывал. Допустим, я вправе лишь сомневаться, и не более...

1. Здесь автор ошибся, ведь согласно ст.172 "личный обыск без вынесения о том отдельного постановления и без санкции прокурора может производиться:.. 2/ при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении,.. в котором производится... обыск, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для дела".

По-видимому, всякие действия, нарушающие закон, его букву или дух, можно считать несущественными или, наоборот, очень важными, однако те из них, что исходят от прокуратуры непосредственно, я счел бы, с Вашего разрешения, общественно опасными, именно потому, что они исходят от прокуратуры. И в итоге, не считая главным непременно различать тех, на кого надо жаловаться, от тех кому надо жаловаться, я прошу Вас или того, кому поручат, внимательно отнестись к моему заявлению и рассматривать его как вполне естественный протест мой против нарушения закона со стороны его же собственных представителей.

8 мая 1975 г.

/АЛЬБРЕХТ/

ЗАЯВЛЕНИЕ з/к БУТМАНА Г.И.
начальнику Пермского Управления
исправительно-трудовых учреждений /ИТК-35/

Гражданин генерал!

Я дважды в течение этого года обращался к Вам с краткими заявлениями о произволе администрации на зоне, где я нахожусь. Но Вы, гражданин генерал, вероятно, очень занятой человек, и у меня есть сильное подозрение, что Вам было недосуг посмотреть их. Поэтому я решил написать третье заявление к Вам не в обычном, давно осточертевшем Вам, сухом канцелярском стиле, а в несколько художественной форме. Пусть утомительные часы Вашей службы будут хоть ненадолго прерваны увлекательным, я надеюсь, чтением. Ну, а поскольку мое заявление будет носить художественный характер, стало быть, я вправе применять и литературные приемы. Я применю только один - все остальное будет полностью соответствовать действительности: один к одному. А прием вот какой. Вначале я был намерен писать о себе в первом лице, а о других - в третьем, ну, а к Вам обращаться, естественно, во втором. Но потом я решил, что для Вас это будет слишком скучно. И я решил поменять нас на время местами /в этом и заключается мой прием/ - в целях наглядности.

Итак, я сижу в Вашем бывшем кресле, зевая пробегаю скучные жалобы /в том числе и Ваши нынешние/, а Вы? А с Вами произошла страшная метаморфоза. Вы стали не просто зэком /это с каждым может быть, недаром говорят, что "от тюрьмы и от сумы не зарекайся"/. Вы стали сионистом. Не беспокойтесь, не таким сионистом, о которых Вы читали в советской прессе - в жизни таких не бывает. У Вас нет ни рогов, ни копыт, и в бане Вас

даже не отличишь от нормального советского человека. Вы просто еврей /простите за выражение/, для которого советское гражданство было потяжелее шапки Мономаха, который не хотел всю свою жизнь думать одно, говорить другое и делать третье, который хотел переместить свое тело туда, где уже давно находилась его душа. С берега моря Балтийского на берег моря Средиземного. За это Вы получили 10 лет строгого режима. /Для наглядности напомню, что последний канцлер фашистской Германии адмирал Дениц тоже получил 10 лет на Нюрнбергском процессе./

И вот Вы в лагере. Чудесное место в лесах Приуралья. Вам крупно повезло. Вы уже привыкли к уральскому климату, и Вы не будете мерзнуть долгую уральскую зиму, как ваши новые товарищи из Армении Баграт Шахвердян и Размик Зограбян; у Вас, слаба Богу, не будет ежедневной мигрени от постоянных перепадов атмосферного давления, как у украинских литераторов Ивана Светличного и Василя Захарченко. Вам крупно повезло, и Вам не надо бояться воров. Администрация заботливо обнесла Вашу зону заборами, деревянными и проволочными; она пригласила милых стройных юношей из жаркой Средней Азии и хладнокровных северных овчарок, чтобы беречь Ваш покой. И даже воры с бегучестью борзой и прыгучестью Брумеля не доберутся до Вас.

Вам крупно повезло, и администрация бережет Вас как зеницу ока. Когда вы просыпаетесь, администрация сосчитывает Вас первый раз - на утренней поверке. Когда Вы идете на работу - второй, в полдень, на работе - в третий. Возвращаетесь с работы - в четвертый, на вечерней поверке - в пятый. И в полночь, когда Вы, возможно, спите и не можете даже ответить благодарным взглядом, Вас сосчитывают спящего в последний раз.

В шестой. Могут ли рассчитывать на такое бережное отношение узники чилийской хунты? Нет, конечно, нет.

Правда, Вам стало немного не по себе, когда Вы прочли в "За рубежом", как Корвалан в белой рубашке и голубых брюках спокойно беседовал во дворе один на один с итальянским прогрессивным адвокатом /Господи, как же их подслушивали? ведь не в комнате свиданий беседовали, во дворе/. Вы с грустью посмотрели на свой мешковатый серый костюм, одинаковый и для работы, и для отдыха. Свою белую рубашку и голубые брюки Вы видели в последний раз в день ареста - 15 июня 1970 г. - шесть лет тому назад. Не горюйте. Зато у Вас есть, чего нет у него. У него белая рубашка и голубые брюки. А у Вас красивая бирка на груди на всех Ваших куртках. И на ватнике тоже. А там фамилия. Инициалы. И номер отряда. Почти как у коров-рекордсменок.

Правда, Вам стало немного не по себе, когда Вы узнали, что бывший личный врач президента Альенде, теперь заключенный, остается врачом и в лагере и делает все, чтобы облегчить страдания своих товарищей, а единственный врач Вашей зоны, киевский психиатр Слава Глузман, был изгнан даже из санитаров /быть врачом заключенному неположено вообще/ за то, что он слишком буквально понимал клятву Гиппократа.

Не горюйте. Ведь товарищ Корвалан иногда недомогает, а Вы здоровы. Как каждый здоровый советский зэк, Вы имеете больное сердце, больной желудок и больные зубы: невроз, гастрит, парадентоз. И кое-что еще, о чем лучше помолчать - ведь бесчисленные голодовки не проходят бесследно. Но какое все же счастье, что Вы здоровы. Ведь Вы знаете, что такое болеть в лагере.

Правда, Вам стало немного не по себе, когда из "Журналиста" Вы узнали, что чилийские политические зэки имеют отличную самодеятельность, поют, танцуют, они занимаются резьбой по дереву и чеканкой по металлу. И ведь ларчик, оказывается, открывается просто: в лагерях фашистской хунты - добровольный труд; хочу работаю, хочу - нет, как в сказке. Вы вначале даже не поверили, но посмотрели на авторов статьи в "Журналисте". Два репортера из ГДР. Уважаемые люди. Такие не обманут. Да и киносъемку в лагере они сделали. Для верующих и неверующих. Не горюйте. Они еще не знают, что работа - источник долголетия. И если Вас сажают в карцер за то, что отлучились с рабочего места, Вам не желают ничего плохого. Администрация желает видеть Вас долголетним. И если Вы мечтаете съесть кусочек мяса - в Вас не дремлет нечистая сила. Ведь мясо укоротит ту часть Вашей жизни, которую Вы ухитрились дополнительно получить за счет ежедневного принудительного труда на заводе.

Возможно, Вам стало немного не по себе, когда Вы увидели, что товарищ Корвалан сохранил не только белую рубашку и голубые брюки, но и собственную шевелюру. И Вы вспомнили, как в наручниках брили голову религиозному Орловичу, как в наручниках брили голову Вашему товарищу и тоже гражданину Израиля Толе Альтману, как состригали в наручниках усы Вашим украинским товарищам. В Вас говорит нечистая сила. Сегодня каждому известно, насколько полезны для Вашего здоровья ультрафиолетовые лучи, а им очень трудно будет пробиться по утрам сквозь Вашу шевелюру. И сквозь Ваши усы. Инструкция о стрижке подумала о Вашем здоровье, которое Вы так легкомысленно не бережете.

Возможно, в Вашу голову начинает закрады-

ваться шальная мысль, что все это: и мешковатая одежда, и поголовная лысость по приказу, и строй повсюду — и на работу, и с работы, и даже в столовую и из столовой, эта звуковая сирена, под которую просыпаться и засыпаете, — может быть, все это для того, чтобы убить в тебе индивидуальность, убить в тебе способность мыслить и действовать индивидуально, по собственной воле, не по приказу, чтобы превратить тебя в такого робота, у которого слюна начинает выделяться при звуке сирены на обед. В такого, как эти бывшие полицейские вокруг Вас, которые вскакивают при виде советских офицеров так же, как вскакивали при виде гитлеровских, так же поспешно сдергивают головные уборы и скандируют вымуштрованными голосами: "Здравствуйте, гражданин начальник!", как когда-то: "Здравствуйте, господин оберштурмбанфюрер!" в те времена, когда они расстреливали моих родных во рвах Понар¹ и Бабьего яра. Вернее — Ваших родных, — простите, я забыл, что мы поменялись местами. Может быть, это их собственная угодливость, закоренелая привычка к самоуничтожению по отношению к тем, кто выше, их необузданному садизму по отношению к тем, кто ниже? Нет, это требование приказа № 20 Министерства внутренних дел. Унижение является обязательным. По приказу.

А теперь вспомните первое из двух кратких заявлений, которое Вы мне написали после возвращения из Владимирской крытой тюрьмы. Вы помните содержание? Вы сидели в культкомнате и писали письмо жене в Израиль, когда вошел капитан Поляков, зам. начальника колонии по режиму. Он знал, что Вы не сделаете то, что легко и просто только дрессированным рабам. В его глазах заиграли

1. Около Вильнюса.

заиграли лучики смеха. Не здороваясь /тысячелетние нормы вежливости - атавизм/, он навис над Вами: "Ну, как, Бутман, здороваться будем? или нет?" Перед Вами был один выбор: унижить себя или его. Вы не встали, не сняли, не сказали. Результат - 7 суток карцера.

Вы сидели когда-нибудь в карцере? Я сидел не раз. Могу популярно объяснить /простите, я снова забыл, кто есть кто/. Карцер перевоспитывает холодом и голодом. Горячая пища через день, если только выражение "горячая пища" здесь применимо. Койка отстегивается от стены только на ночь. Если бы было тепло, то можно бы было подложить под голову тапочки /постель не выдается/ и попытаться заснуть. Но в камере будет тепло только, если Вам повезет, а Ваше голодное тело, как назло, не генерирует тепло. Единственный выход - дрожать помельче, как утверждают лагерные остряки. Сытый человек может терпеть холод. Человек в тепле легче переносит голод. Но холод голодному - это слишком эффективное перевоспитание за отказ танцевать на собственных похоронах. Зато в карцере у Вас много времени /если без вывода на работу/ подумать и вспомнить кое-что. Например, самую первую статью Исправительно-трудового кодекса РСФСР. Какая милая гуманная статья: наказание в СССР не ставит перед собой цель причинения страданий, физических и нравственных¹.

Вы настолько наивны, что, выйдя из карцера, пишете жалобу на Полякова мне, начальнику Пермского управления исправительно-трудовых учреждений. Это Ваше первое заявление из

1. "Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства /"ИТК РСФСР", М., 1972/.

тех двух коротких, которые были перед этим, художественным. А через месяц мне, генералу, одному из немногих, поступило снова заявление от Вас, одного из многих. Поморщился я, что Вы стали мне надоедать. Ну, ладно, посмотрим, чем Вы там снова недовольны. Значит так, недовольны Вы тем, что Вас лишили единственного в месяц пятирублевого ларька и единственной в году пятикилограммовой посылки одновременно. Лежали днем в свободное время в постели, правда, раздевшись и под одеялом, но все же... И на "воспитательной комиссии" не повинились в преступлении, не захотели разговаривать. Гордый Вы что-то больно, гражданин сионист. Но у Вас два высших образования, дело у Вас шумное было, да и чертова Разрядка вдобавок — пошлю-ка я на всякий случай проверяющего. А проверяющий знает, что от него требуется: до лагеря он не доедет, Вас, конечно, не вызовет, хотя приедет по Вашему делу из областного центра и привезет он мне рапорт, который я жду от него: оказывается это не он Вас, а Вы, голубчик, преследуете бедного Полякова.

И вот, наконец, разгул сионизма, который начался с невинного лежания под одеялом днем /правда, без одежды и в свободное время, но все же.../, дошел до апогея. Ведь прошел только месяц... и снова. И чем дальше, тем страшней... Вынесли со склада в секцию два альбома с открытками, а Ваш отрядный старший лейтенант Кузнецов запретил Вам это, ... чтоб не захламляли секцию /правда, ему показалось, что это книги, а книги старший лейтенант ненавидит самозабвенно и люто, и выражение полковника Скалозуба "собрать бы книги все, да сжечь" лаконично выражает заскорузлую мечту старшего лейтенанта, что, впрочем, не мешает ему быть идеальным претендентом на должность заместителя начальника колонии по политчас-

ти/. Вы ответили ему, что это Ваше личное дело /в рапорте затем будет указано: нагрубил/. Это не имеет значения, что Вы имеете право держать при себе письма и открытки без ограничения. Это не имеет значения, что Вы даже пять книг имеете право держать при себе /на случай, если Вы действительно несли книги/. Это не имеет значения, что наказание не ставит себе целью унижить Ваше достоинство. Достаточно, что эту цель ставят перед собой старший лейтенант Кузнецов и капитан Поляков.

Месяц - взыскание, новый месяц - новое взыскание. Для чего? Вы уже шесть лет з/к и прекрасно понимаете, для чего. Вас готовят во Владимир. Вы только пять месяцев назад вернулись оттуда. Вас не надо даже сажать в ПКТ, надо сунуть в Ваше дело только несколько бумажек, и вот они уже потекли: не поздоровался, лежал днем на койке, пытался захламлять секцию. А дальше дело суда. И свое дело он знает: за несколько минут судопроизводства у Вас отнимут три года жизни в настоящем и трудно сказать, сколько в будущем.

Это ничего, что в Израиле Вас ждет семья, что Ваша младшая дочь смотрит сквозь закипающие слезы, как другие папы приходят в ясли брать других дочек; это ничего, что старший вырастает сиротой при живом отце; это ничего, что Ваша жена умоляет Вас в каждом письме сбережь то здоровье, что еще осталось. Она ведь не знает, что почти каждый день перед Вами альтернатива: какое здоровье сохранить - физическое или моральное.

Вскочи на ноги, когда твой палач войдет в помещение, вытянись по стойке "смирно", сними шапочку, скажи: "Здравствуйте, гражданин начальник!", дождись, может, он со-

благоволит поздороваться и все будет хорошо. Вы не пойдете в карцер, Вы сохраните физическое здоровье и еще одна бумага не ляжет в Ваше дело. Вас вызвали на "воспитательную комиссию", обсуждают Ваше дневное лежание в постели. Вы стоите посреди комнаты, никто не предложит Вам стул, а десяток жизнерадостных "воспитателей", которым из-за постоянных заседаний некогда изучить Ваши права /они прошли только Ваши обязанности/, будут сидеть и бесцеремонно разглядывать Вас, и каждый из них будет наперегонки стараться унижить Вас, ведь во главе комиссии Ваш палач, а это важнее истины. Оправдывайтесь, извиняйтесь, унижьте себя вместе с ними - это поможет Вам, и, может быть, новая бумажка не ляжет в Ваше дело. Но Вы знаете, что лежать в свободное время в постели никогда не запрещалось. Правда, нельзя лежать в верхней одежде, но Вы были раздеты и рядом с Вами лежали другие з/к. Старший лейтенант Кузнецов выбрал Вас. Было бы удивительно, если бы в придачу ко всем остальным своим достоинствам он не был бы еще антисемитом.

И рой воспоминаний нахлынул на Вас. Пестрая мозаика издевательств и унижений, которая официально носит название исправительно-воспитательная система, прошла перед Вашим мысленным взором с того момента, когда Вы в последний раз укладывали спать Вашу четырехлетнюю дочь, а Вас уже ждали. "Это твои товарищи, папочка, ты скоро придешь?" - доверчиво спрашивала малютка. "Да, да, - лгали Вы дочери в первый раз в жизни. Сейчас ей уже почти 10 лет /как-то на последней страничке журнала "Новое время" в разделе курьезов Вы прочли саркастическую заметку о том, как южно-африканские власти боятся маленькую девочку и не дают ей и ее маме визу на выезд, чтобы увидеть своего отца - политического з/к. И Вы сравнили -

девочка - одногодка Вашей дочери. И Ваша жена с дочерью так же бесполезными годами добиваются выездных виз, чтобы увидеть Вас. И то, и другое происходит после совещания в Хельсинки. Разница чисто географическая. Там - Южная Африка, здесь - Советский Союз.

Но мы отвлеклись. Вы не забыли, что Вы стоите посреди комнаты, как нашкодивший школяр, а они "воспитывают" Вас. Вас, посмевшего спать в постели днем. Они воспитывают, а Вы вспоминаете. Вы видите, как догола раздевают приехавших к Вам родных; Вы видите, как Ваших жену и сестру, приехавших за тысячи километров из Ленинграда, чтобы видеть Вас два часа, бесцеремонно вышвыривают назад, так как у Вас якобы волосы на 1 см длиннее положенного. И еще, и еще. И только время от времени до Вашего сознания доносятся, как в тумане, голоса членов комиссии: "Не перевоспитывается, не осознает, умышленно находился в постели". И среди голосов - их голоса, которые Вы теперь узнаете всегда и везде - до конца жизни: старший лейтенант Кузнецов, капитан Поляков. Вы запомните их имена. Когда-нибудь, когда они будут сидеть на скамье подсудимых, Вы вспомните их имена. И снова перед Вами дилемма: унижать себя вместе с ними или... Вы выбираете второе, Вы говорите комиссии то, что Вы думаете о методе ее воспитания, и уходите. Конечно, Вы говорите громко, возбужденно - Вы ведь пока не робот, и человеческие чувства в Вас еще не убиты. Но, хотя Вы не допустили в Вашем маленьком монологе ни одного грубого слова, еще одна бумажка ляжет в Ваше дело, еще одна бумага, приближающая Вас к Владимиру. К Владимиру - стольному граду на Клязьме-реке.

Только пять месяцев, как Вы оттуда, и, наверное, около сорока Ваших товарищей все

еще сидят в тех же камерах. Вам предстоят этапы, этапы, тюрьмы. Вы прошли их десятки. Вы уже давно знаете то, что знает каждый советский з/к: даже если когда-нибудь кто-то, от кого зависит что-то, поймет, что нынешняя система "воспитания" является не только варварской, но и совершенно бессмысленной, — ибо единственный результат, который она может породить, это — ненависть, загнанную внутрь, — и даже если эта система будет изменена, результат будет тем же, пока существуют этапы в их нынешнем виде.

Театр начинается с вешалки, лагерь — с этапа. Тот, кто прошел советский этап хоть однажды, никогда его не забудет. И если он доживет до старости и будет иногда кричать по ночам, может быть, он снова "шел по этапу". Мне это еще предстоит, по-видимому, и Вам, в Вашем генеральском кресле, моя судьба до лампочки, как поется в одной неплохой песенке /простите, я снова забыл, что мы поменялись местами, уж очень непривычно мне Ваше место, так же, как Вам, вероятно, мое/.

Владимир — город на Клязьме-реке. Многие видели метровые стены этого централа. Федосеев¹ — учитель и друг молодого Ленина — сидел там в конце прошлого века. Вы недавно прочли, как он сидел. Девятнадцать писем в месяц отправлял он родным и друзьям. После приезда во Владимир Вы будет писать одно — раз в два месяца. Федосеев жалуется, что десятки заключенных все время болтаются по двору и коридорам, постоянно вспыхивают политические споры и митинги, которые мешают ему работать /т.е. писать статьи/. Вам, слава Богу, это не угрожает. Вы будете годами видеть одни и те же лица. И нужно

1. Николай Евграфович Федосеев, 1871-98.

быть ангелами, чтобы за это время не пови-
навидеть друг друга. Ведь даже хорошие люди
- всего лишь люди. Один любит музыку, а
другой - тишину. Один бы включил радио, а
другой бы выключил его. Один наслаждается
табачным дымом, а другой - промежутками,
когда его нет. Один храпит во сне, а дру-
гой мучается от бессонницы. И все это на
фоне полуголода /а первый месяц после при-
бытия - официальный голодный месяц, по при-
казу МВД/, карцеров, медленного удушения.
Да, да, я не ошибся. Когда пять руководите-
лей восстания декабристов повесили в Петер-
бурге, их задушили мгновенно. Даже те двое
из них, которые сорвались и были повешены
заново, задохались недолго. В сегодняшнем
Владимирском центре давно прошли те вре-
мена, когда во времена жестокого царизма
з/к Фрунзе дышал полной грудью. Сегодня
Фрунзе бы не узнал свою камеру. Там, где
раньше сидели трое, сегодня сидят шестеро.
Там, где раньше воздух проходил через одну
решетку, сегодня он должен пройти через
две. И через жалюзи, такие густые, что
через них с трудом проходит взгляд, Ваш
взгляд, тоскующий по небу, которое едва
видно /направление жалюзи таково, что зем-
лю Вы не увидите никогда/. Когда задыхается
повешенный, он задыхается быстро - его лицо
синееет. Когда задыхается з/к Владимирского
центра, он задыхается медленно - его лицо
белеет. Во Владимирском центре есть еще
масса мелких прелестей, но я не буду Вам
писать о них, ибо мое заявление получилось
и так слишком длинным, а Вам, наверное,
пора домой. Вы ведь, конечно, примерный
семьянин - любящая жена и дисциплинирован-
ные дети ждут Вас.

На этот раз я пишу Вам - Вы, я не ошибся.
Художественный прием закончился. Я не знаю,
поняли ли Вы что-нибудь, побыв на моем
месте, но мне в Вашем кресле не вмоготу.

Кроме всего прочего, я хочу поменяться с Вами назад по чисто практической причине. Я верю, что придет время, когда Поляковы и Кузнецовы предстанут перед честным и объективным судом за то, что они отказали нам, зэкам, даже в тех куцых правах, которые мы имеем по советским законам. Я боюсь, что, оставаясь на Вашем месте, я должен был бы нести свою долю ответственности за то, что это происходило в Управлении, которым я командую. И я не смог бы даже сказать, что я был не в курсе, ведь Ваши заявления, извлеченные из архива, закричат: "Знал, знал, знал".

5 июня 1976 г.

ПУБЛИЧНЫЙ ОТВЕТ ГАЗЕТЕ "ИЗВЕСТИЯ"

В статье "Колодец с гнилой водой" /"Известия" № 144, 18 июня с.г./ перечислен ряд фамилий: Гинзбург, Марченко /это я/, Штерн, Вайманов, Фельдман - видимо, авторы хотели сказать, что эти люди и есть "гнилая вода", то есть источники "заведомо лживой тенденциозной информации". О чем эта информация, что в ней "лживо" - этого читатели "Известий" не узнают из статьи, да и вообще никогда не узнают. Известный метод не только советской прессы, но и советского суда - не анализировать, не доказывать, а навесить ярлык, приобретающий силу закона. Зато тем больше любознательности проявляют авторы к частной жизни людей, подлежащих дискредитации по политическим мотивам.

Итак, Александр Ильич Гинзбург. Во-первых, надо назвать его Аликом - это будет для советского читателя уже знак, известный по прессе символ нехорошего человека. Всякому сразу понятно, что Алики, Додики, Рудики - это все "великовозрастные лоботрясы", а добропорядочного работягу зовут Сашей, величают Александром Ивановичем. Так что же дурного числят "Известия" за А.И.Гинзбургом, кроме имени? А вот: служит у Сахарова секретарем и нянькой, "мнит себя интеллектуалом". Предпочитает "поношенную одежду иностранного происхождения" - причем из статьи следует, что Гинзбург предпочитает ее не советскому индпошиву, а зэковской робе. Нет того, чтобы в концлагере "соблюдать установленные правила и работать,

Ответ на статью М.Михайлова и В.Кассиса "Колодец с гнилой водой".

получая соответствующую оплату"! — он по-денно получает "деньжата", нянча внуков Сахарова. Как же не гад!

Заодно авторы статьи исподтишка куснули и Сахарова: ишь, барин, секретаря-няньку завел! Ведь дурак-читатель воображает, что академик Сахаров за внуками сам горшки выносит, писатель Марков сам себе диктует на машинку речугу для писательского съезда; ведать не ведает простой советский человек, равный среди равных, о шоферах, сторожах, горничных, кухарках, секретарях и референтах, обслуживающих элиту, — но "деньжата" этой обслуге, небочь, идут казенные.

Малопочтенной в рабочем государстве стала роль воспитателя детей за последние 59 лет! Хотя писатель по-прежнему нанимает няньку, но что-то никто не вдохновился вслух обратиться к ней:

"Голубка дряхлая моя!" И Савельича нынче запросто обзовут "великовозрастным лоботрясом", а то и засудят как тунеядца. Зато теперь в чести Видок Фиглярин, писатель от III-го отделения, он не стыдится своей должности.

Я не помню, какую одежду носит А.И. Гинзбург; а о себе сознаюсь: скороходовским саморасклеивающимся ботинкам я предпочитаю обувь фирмы "Топман", бреюсь электробритвой "Филиппс", а не "Харьков", слушаю японский транзистор. Поскольку мне не видать загранкомандировок от Союза журналистов и не бегать по парижскому Пассажу в погоне за тряпками, мои друзья из заграницы присылают

мне ширпотреб - даже и не поношенный, а новый[†].

Авторы статьи Кассис и Михайлов забыли перечислить мои предметы обихода с иностранным клеймом. Но они забыли также, что на БАМе работают автокраны японской фирмы "Като", что бумага, на которой они пишут, произведена на иностранном оборудовании и что едим мы американо-канадский хлебушек. Чем это благороднее "поношенной одежды иностранного происхождения"?

Хорошо, пусть нам зазорно получать подарки от зарубежных друзей и родных. А Брежневу не зазорно? Никсон подарил этому русскому любителю быстрой езды два автомобиля, а третий преподнес ему канцлер ФРГ. /Интересно, за что лидер КПСС получает "вознаграждение" от лидеров свободного мира - за развал ли собственного сельского хозяйства или за поддержку экономики Запада промышленными контрактами и сельскохозяйственными закупками?/

А все же есть проблески совести и у советских журналистов: попрекать Гинзбурга или меня "русским хлебом" и "русским салом" - язык не повернулся.

Тезис о моей зловредности газета доказывает тем, что я окончил всего семь классов /положим, восемь, но не будем мелочиться/, что на Западе меня выдают за писателя, а на родине пять раз сажали в тюрьму. Нет, я не подам на вас в суд за клевету, все истинная правда. Несмотря на недостаточное

[†] Прошу считать это заявление явкой с повинной; лет 25-30 назад за такое преступление я получил бы срок "за преклонение перед иностранной техникой", а теперь всего лишь ошельмуют в газете.

образование, я все же успел уловить, что в русских тюрьмах, ссылках, каторгах побывали Радищев, Пушкин, Лермонтов, Достоевский, сам основоположник соцреализма Горький /это и был единственный его университет/ - да легче назвать тех, кто не был "в местах не столь отдаленных". Эта славная русская традиция в советское время расширилась /географически/ и углубилась /методологически/. Страшно выговорить: русская литература /а советского периода - тем более/ создана чуть не сплошь уголовными преступниками. Так что, если разобратся по существу, ничего оскорбительного обо мне, как и о Гинзбурге, "Известия" не сообщили. Имеется скорее намерение унижить и опорочить, чем реализация этого намерения, и проявляется оно скорее в оскорбительном тоне статьи, чем в подборе фактов из частной жизни.

Но вот что интересно: откуда оно взялось, чем вызвано - это стремление дискредитировать людей, поименованных в приведенном в начале списке? Первая моя "гнилая" информация - о современных советских концлагерях - опубликована на Западе в 1968 году¹, последняя - об этапе в ссылку - в январе 1976 года². И в промежутке тоже кое-что было. А мое имя в советской прессе впервые появилось лишь в июне с.г. Что же вы так неоперативны? Просто не было сигнала "Ату его!" - а теперь дали.

Беднягам Кассису и Михайлову, возможно, и самим не доверили знать, в какой связи состоят Гинзбург и Марченко с основными сюжетами их статьи - комиссией США, западными

1. А.Марченко. "Мои показания". Франкфурт-на-Майне, "Посев", 1969.

2. "От Тарусы до Чуны", 1976, Хроника-Пресс

радиостанциями, НАТО, ЦРУ, западными бодротными, американскими тюрьмами, советскими эмигрантами. Сказали им: "Надо!" - они и стараются, отрабатывают свои построчные гонорары /не поденные деньжата!/ и заграничные поездки. Писали бы "от себя", так чего ж они, журналисты, умолчали бы о том, что Гинзбург и Марченко - члены Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, образованной в СССР в мае сего года и обязавшейся собирать и распространять информацию о нарушениях в своей стране гуманитарных статей Заключительного акта. Правительство СССР заранее знает, что такие нарушения были, есть и будут, уверено в своем праве на это, соответствующем традициям и обычаям страны. /"Что уж, я своих людишек и посечь не вольна?" - говаривала еще госпожа Простакова/. И поэтому никакого контроля - ни от комиссии конгресса США, ни от какой-то самодеятельной отечественной Группы правительство СССР терпеть не может. Что там за Группа? Кто в ней? Гинзбург - нянька! Марченко - недоучка! Орлов - переучка /еще не сказано, но все впереди/... А все вместе /но ни в коем случае не Группа содействия, об этом ни гу-гу; так, откуда-то взявшийся перечень бывших и будущих уголовных преступников/ - все вместе "колодец с гнилой водой".

Ну, а из какого же незамутненного источника зачерпнули авторы свою правдивую информацию? Самолично наблюдали заграничные штаны Гинзбурга? Пересчитывали "наличные" в его карманах? Красным карандашом подчеркивали грамматические ошибки в моих черновиках? Брали интервью у "Алика" или его жены? - Ничего подобного. Кем служит Гинзбург у Сахарова, сколько классов окончил Марченко, что содержится в почтовых посылках из-за границы и все прочие детали наших биографий не хуже нас самих знают в КГБ - уж, верно,

в наших досье подшиты и копии денежных переводов, и подлинники изъятых на обыске черновиков. /А сколько миллионов досье хранится в КГБ и каким способом они наполняются, этого комиссии Верховного Совета не расследуют, это вам не Америка! /

Нет необходимости показать пальцем персонально на Кассиса и Михайлова: "Вот сотрудники КГБ!" Любой советский журналист выполнит любое задание этой организации, даже не числясь в списках сексотов. Зато прошу обратить внимание: ни газета, ни ее авторы ничуть не стесняются такого сотрудничества, не пытаются замаскировать источник своей осведомленности о частной жизни граждан. Еще бы, что может быть почетнее для прессы, чем связь с чекистами, у которых, как известно, всегда были "холодный ум, горячее сердце и чистые руки" - чистые руки особенно бросаются в глаза.

Чтобы в дальнейшем облегчить работу и КГБ, и газетчикам, сообщаю и подтверждаю: да, я буду и впредь "поставлять" информацию - и как член Группы содействия, и независимо от нее. У меня то преимущество перед корреспондентами советской прессы, что я не имею хозяев, кому боялся бы не потрафить, чьи руководящие указания обязался бы выполнять. Что касается качества информации, то вслед за В.Максимовым напомним известное изречение: "Я верю только тем свидетелям, которым рубят головы". Да и в России в старину достоверной считалась *подлинная* правда: сказанное под линьками, то есть под плетями.

Можно было бы и не отвечать на статью Кассиса и Михайлова, мало ли разнообразных помоек шливалось со страниц "Известий" /как, впрочем, и любой советской газеты/ за 59 лет ее преданной службы этой власти. Я отвечаю не потому, что меня задела, а потому,

что советская пресса привыкла к безответности своих оппонентов, у которых завязан рот. Но, слава Богу, пока еще не создалась обещанная Лениным Всемирная советская социалистическая республика, и идеологическая цензура пока еще не охватила весь земной шар.

И еще я считаю нужным публично ответить "Известиям" потому, что такой возможности лишены многие другие люди, названные и подразумеваемые в статье и оскорбляемые вашей газетой безнаказанно, поскольку они находятся за колючей проволокой.

21 июня 1976 г.

Марченко А.Т.

Иркутская область,
поселок Чунский,
ул. Чапаева, д.18

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КОЛЛЕГАМ

Дорогой коллега!

25 марта 1976 года на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР я не был переизбран на должность старшего научного сотрудника, которую занимал до этого дня. /По существующим в АН СССР порядкам, каждый научный сотрудник любого из ее институтов — младший раз в три года, старший раз в пять лет — переизбирается Ученым советом института; это, как правило, рутинная процедура, на которой зачастую переизбираемый даже и не присутствует. В случае непереизбрания сотрудник должен быть уволен не позже, чем через год после решения совета./ Ученый совет заседал в следующем составе: В.Н.Ярцева /директор Института/, Ю.С.Елисеев /заместитель директора/, В.А.Ефимов /ученый секретарь/, В.Д.Аракин, Н.А.Баскаков, Т.А.Бертагаев, И.Ф.Вардуль, Н.З.Гаджиева, М.М.Гухман, Ю.Д.Дешериев, Г.А.Климов, Р.Г.Котов, Г.В.Колшанский, М.А.Кумахов, К.Е.Майтинская, С.А.Миронов, К.М.Мусаев, В.С.Расторгуева, Н.А.Слюсарева, Э.Р.Тенишев, О.Н.Трубачев, Н.С.Чемоданов, А.Д.Швейцер и С.М.Хайдаков.

Результаты тайного голосования: 19 против моего переизбрания, 2 за; 3 бюллетеня признаны недействительными /по существу, это означает воздержание от голосования/.

Вследствие такого решения Ученого совета 8.04.76 г. заместитель директора Института, Юрий С. Елисеев, сообщил мне, что я уволен с 18.05.76 г.

Я работал в Институте языкознания АН СССР с 1956 года. За это время я опубликовал свыше 150 научных работ, в том числе - несколько монографий; многие из моих сочинений переведены на иностранные языки и изданы в США, Франции, Испании, ФРГ, Польше, Венгрии, ГДР и т.д. Меня многократно приглашали участвовать в международных лингвистических собраниях, выступать с лекциями, войти в состав редколлегии зарубежных лингвистических журналов.

Тем не менее, Ученый совет не счел меня достойным занимать мою должность. Открыто названной и единственной причиной этого послужила публикация моего письма в газете "Нью-Йорк таймс" /26 января 1976 г./; в этом письме я высказал несогласие с кампанией против А.Д.Сахарова, проводившейся в советской печати, а также протест против ареста и осуждения на 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки выдающегося ученого, биофизика Сергея Ковалева /по сугубо политическим мотивам/. Однако ведь СССР ратифицировал Международный Пакт о гражданских и политических правах /принятый 16 декабря 1966 г. на XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН/, который тем самым стал - в соответствии с советским законодательством /см. статью 569 Гражданского кодекса РСФСР/ - и советским законом. Статья 19 указанного Пакта предоставляет мне полное право на свободное выражение своего мнения - включая свободу распространения всякого рода информации и идей независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати. Следовательно, направляя письмо в "Нью-Йорк таймс", я ни в чем не нарушил законов моей страны. /Даже если бы это было и не так, за нарушение закона меня должны были бы преследовать органы юстиции, а не Ученый совет Института языкознания АН СССР! /

Вопреки этому, выступавшие на заседании члены Ученого совета заявляли: выступление И.Мельчука "порочит нашу страну и позорит научного сотрудника, ...являясь недопустимым не только в научном коллективе института, но и вообще в коллективе советских людей"⁺ /В.Ярцева, директор/; "Клевета на нашу страну, И.Мельчук наносит ущерб не только ей, но и всему прогрессивному человечеству, ... так что этот враждебный акт делает невозможным дальнейшее пребывание И.А.Мельчука в Институте языкознания" /М.Гухман/; "Напрасно И.А.Мельчук, ссылаясь на какие-то /sic!/ пакты, пытается искусственно ограничить критику морально-политического облика ученого" /Ю.Елисеев/; "Выступление И.Мельчука граничит с пропагандой войны, ... причем все его поведение производит тяжелейшее впечатление: мы надеялись услышать слова раскаяния, а услышали только глубокую убежденность" /Н.Гаджиева/ и т.п. Все эти речи подытожила в своем повторном выступлении директор Института В.Н.Ярцева: "Мир расколот надвое, и И.А.Мельчук обращается к нашим врагам!"

Подчеркну, что в институте, где я проработал 20 лет и имел, как я думал, немало друзей, будучи связан со многими не только деловыми, но и многолетними человеческими отношениями, не нашлось ни одного сотрудника, который выступил бы в мою поддержку или хотя бы сказал обо мне несколько добрых слов. Более того, насколько мне известно, до сих пор ни один из советских ученых /не считая моих личных друзей/ не нашел нужным или возможным хотя бы в какой-то форме встать на мою защиту.

⁺ Точность цитат подтверждается имеющейся у меня магнитофонной записью выступлений.

Сугубо политический характер моего увольнения делает для меня практически невозможным устроиться на службу где-либо в СССР — тем более, что и до упомянутого решения Ученого совета мое положение в советской науке было очень тяжелым. Последние несколько лет я по существу был лишен возможности публиковаться в ведущих советских лингвистических журналах. /Появление каждой статьи требовало чуть ли не подвига со стороны того или иного члена редколлегии./ Второй том моей монографии "Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст" /результат многолетнего труда/ ждал публикации более шести лет и остался, в конце концов, неопубликованным. Мне запрещалось и запрещается преподавать, участвовать в научных конференциях, выезжать за границу для контактов с западными коллегами. Сразу же после того, как появилось мое письмо в "Нью-Йорк таймс", в советских научных журналах и издательствах начали снимать ссылки на мои работы, выраженные мне другими авторами благодарности /С.Я.Фокин, зав. редакцией журнала "Научно-техническая информация", ВИНТИ¹, Москва/ и даже мое имя как редактора и переводчика /Н.С.Чемоданов, К.Т.Богданова, издательство "Прогресс"/.

В таких условиях, да еще и без постоянного места работы я полностью лишен возможности продолжать мои научные занятия. Это ставит меня перед трагическим выбором: либо бессмысленное прозябание на родине, которой не нужен мой труд, либо эмиграция, то есть безвозвратное /по советским законам/ расставание с моей землей, с дорогими и близкими мне людьми.

1. Всесоюзный ин-т научно-технической информации.

Я прекрасно понимаю, что мое положение даже и не может сравниться с положением тех, кто лишен свободы и томится в советских лагерях и тюрьмах, над кем нависла непосредственная угроза для здоровья и жизни. Но я решаюсь на это обращение к общественности лишь потому, что дело вовсе не во мне лично. Мой случай - это небольшая, но яркая иллюстрация моральной жизни "сливок" советского общества - советской /якобы/ интеллигенции. Это еще один штрих в чудовищной летописи предательств и подлого подхалимства, на которое так легко шли и идут в СССР люди, облеченные научными званиями и зачастую занимающие высокие ступеньки в научной иерархии.

Цель моего письма - побудить его читателей еще раз серьезно задуматься над участью советских ученых, вынужденных выбирать между подлостью и эмиграцией. /Светлые времена! еще не так давно выбор у них был между подлостью и пулей в затылок или - в лучшем случае, годами за колючей проволокой./ Не забывайте, пожалуйста, что каждый из них - за исключением немногих активных борцов, вроде А.Д.Сахарова и И.Р.Шафаревича, - либо жертва, либо палач, либо - и это, видимо, самое опасное - молчаливый пособник палачей.

И.А.Мельчук

СССР, 107207, Москва Б207,
Байкальская ул., 40/17, кв.113

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОДПИСАЛ
СТОКГОЛЬМСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Мне принесли его в рабочее время, прямо в лабораторию.

- Виктор Александрович, - сказала заведующая. - Вот тут Стокгольмское воззвание все подписывают... В защиту мира...

Я внимательно прочел текст, отпечатанный типографски на левой стороне сложенного пополам, как приветственный адрес, листа. Под ним стояла подпись: Всемирный Совет Мира. Стокгольм. Дата... На правой стороне листа - аккуратные типографские линейки, всего, кажется, на 30-40 человек. В некоторых уже стояли подписи моих коллег, сотрудников нашей больницы.

Видимо, я оказался единственным в нашем, относительно небольшом /около 200 человек/ коллективе, кто отказался подписать этот документ. Реакция была немедленной и неотразимой:

- Так вы, значит, п р о т и в м и р а, Виктор Александрович? - спросила одна из сотрудниц. - Выходит, вы... за в о й н у ?

И я почувствовал, как поползла за спиной, расширяясь концентрическими кругами, мутная молва: "Н. не подписал! Он против мира, за войну!..", как еще гуще захлупала, зазияла черной жижей зона отчуждения и непонимания, что окружает меня даже не с той поры, как вернулся из лагеря, - со времен первого

обыска, переполошившего весь наш сонный 15-тысячный городишко в 1972 году. Да, люди знали, что я диссидент, держались на расстоянии, но я не думаю, что большинство из них — ведь не сталинские времена — ненавидело в душе, осуждало. Но вот сейчас, но вот такого, чтобы кто-то не за мир! — этого, конечно, не могли они и помыслить. О, как же сдвинутся теперь в своем "праведном" возмущении!

А ведь правда, как легко сложить этот бесподобнейший софизм: если ты не за мир — ты за войну. Или — или. Кто не с нами — тот против нас, третьего не дано.

Рискуя усугубить непонимание, я все-таки попытаюсь объяснить, почему отклонил этот эффектный, беспорочный внешне призыв.

Нет, я не против мира, не против авторитетных и мудрых призывов к разоружению. В принципе я даже не против Стокгольмского воззвания. Хотя и устарел, на мой взгляд, такой "бумажный" метод /ведь это второе стокгольмское воззвание, а где же практический результат первого?/, и уже время переходить от абстрактных заклинаний к делу, и вообще, — пора бы понять, что в толпе, загипнотизированной криком "Держи вора!", всегда скрывается и сам вор. Он, как правило, и выкрикивает громче всех этот маскировочный клич.

Здесь — ключ.

Мне хотелось бы, чтобы в документе Всемирного Совета Мира содержался четко выраженный призыв к тому, чтобы люди так называемой "доброй воли", ставя подписи, воздействовали прежде всего на свои правительства, побуждая их к практическому миролюбию, сокращению армий, военных бюджетов. Борьба с абстрактными "силами им-

периализма", со вселенским Марсом, есть война с ветряными мельницами, и она должна быть заменена борьбой с собственными, - называя титулы и имена, - премьерами и военными министрами. Во всех без исключения странах.

Видимо, это возможно там, где действительно есть люди доброй воли, но, увы, не там, где живут люди государственного принуждения.

Я имею в виду свою страну.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что советские люди не есть люди доброй воли, но я хочу сказать, что они не есть люди воли независимой. Советские люди не хотят войны, но они, являясь людьми государственного принуждения, не могут влиять на свое правительство.

Стокгольмский призыв рассчитан на возбуждение общественного мнения, ибо только эта сила в состоянии воздействовать на сильных мира сего. Но свободное общественное мнение, то есть свободно высказанное мнение общества, есть только в с в о б о д н о й стране.

В Советском Союзе общественное мнение не высказывается. Под этим термином выступает фактически мнение государства, правительства, то есть небольшой группы людей, самочинно присвоивших монополию говорить от имени общества, народа. Что касается доверчивых, сбитых с толку государственной пропагандой граждан, - в а с, мои уважаемые коллеги, - то разве не принимаете вы за "общественное мнение", за "голос трудящихся масс" передачи радио, телевидения, передовицы правительственных газет? В этих условиях, прикрываясь фикцией общественного мнения, как овечьей шкурой, правительству

очень удобно творить свою, часто отнюдь не миролюбивую, не отражающую подлинных интересов народа волю.

Советский Союз обладает огромнейшим военным потенциалом. Общеизвестен факт, что СССР тратит на военные цели 12% национального бюджета, в то время как в США эти расходы составляют 4-6%. Как утверждают видные зарубежные специалисты, военный потенциал Советского Союза в настоящее время значительно превышает потребности национальной обороны.

Известно также, что СССР является одним из самых энергичных поставщиков оружия в "горячие" точки мира. Преследуя сомнительные цели политического вождизма, СССР поставляет оружие арабским странам против Израиля и друг против друга, Индии - против Пакистана и Пакистану - против Индии, он везет сталь и порох нигерийским централистам и тибетским сепаратистам, палестинским террористам и повстанцам Зимбабве... Весь мир возмутило недавнее вмешательство СССР, хотя на сей раз оно было осуществлено руками сателлитной Кубы, во внутренние дела Анголы, приведшее к установлению в этой стране просоветского, не обещающего быть демократическим режима.

Проводя свою, отнюдь не миролюбивую, политику Советский Союз, однако, едва ли не громче всех восклицает: "Держи империалистов!" Этим маскировочным целям и служит развернутая сейчас в стране г о с у д а р с т в е н н а я кампания сбора подписей под Стокгольмским воззванием, которая есть не что иное, как заведомый обман не только собственного народа, но и общественности за рубежом.

И в самом деле. Ведь сотни, тысячи, миллио-

ны подписей под стокгольмским призывом — они же налицо, здесь. И как же удобно потрясти перед Западом этим внушительным свитком: вот-де, смотрите, мы — за мир, весь наш народ — за мир, мы — истые миролюбцы, а вот вы /разве есть у вас такой процент подписавших?/ — милитаристы, империалисты, ату вас, ату!

Но разве распространение а н т и п р а - в и т е л ь с т в е н н о г о воззвания — дело государственных рук? Если бы оно распространялось в нашей стране, как должно, — общественностью, людьми истинно доброй воли, то есть свободно, независимо от государства, то оно могло бы исполнить свое назначение — влиять на правительство, обращать его тугое ухо на общественный глас.

Этого нет. Поэтому в нынешних условиях подписание Стокгольмского воззвания каждым из нас означает соучастие в обмане. И наоборот, отказ от подписи есть единственный способ воздействия на собственное правительство.

Я не подписал Стокгольмское воззвание не потому, что отвергаю мир и зову войну, не потому, что смыкаюсь с "англо-американо-израильскими империалистами", а потому, что не хочу смыкаться с теми, кто обманывает собственный народ.

Потому что я не согласен со многими аспектами внутренней и внешней политики СССР, в том числе с его военной политикой.

Потому что я выступаю против кампании государственного принуждения, выдаваемого за всплеск народной инициативы.

Потому что я протестую против отсутствия в стране демократических свобод, независимого

общественного мнения, отсутствия оппозиционного гласа, который мог бы предотвращать и выправлять политические просчеты правительства.

Потому что, в конечном счете, подписание этого воззвания в нашей стране не служит в нынешних условиях делу подлинного мира, прогресса и демократии.

Июнь 1976 г.

Виктор Некипелов

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОДПИСАЛ

ВТОРОЕ СТОКГОЛЬМСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

В начале июля 1976 года в Институте, где я работаю¹, проходил сбор подписей под Вторым Стокгольмским воззванием, одобренным Президиумом Всемирного Совета Мира /ВСМ/ 2 июня 1975 г. Все или почти все сотрудники Института подписали это воззвание. Я однако воззвания не подписал.

Этот отказ от подписи не был вызван какими-то случайными или преходящими причинами. В течение года с лишком, прошедшего от принятия воззвания Президиумом ВСМ до начала кампании по сбору подписей под ним в СССР, я не раз возвращался к размышлениям о смысле воззвания. В результате этих размышлений я пришел к решению не подписывать воззвания.

Когда мне предложили подписаться под Вторым Стокгольмским воззванием, я ответил, что не подпишу воззвания, поскольку я не полностью согласен с содержанием этого документа. На более подробных объяснениях никто не настаивал. Однако я сознаю, что мой отказ подписать документ, озаглавленный "Остановить гонку вооружений. Сделать разрядку международной напряженности необратимой", может вызвать недоумение или неправильные толкования. Поэтому я ощущаю потребность объяснить свою позицию.

1. Ленинградский научно-исследовательский институт метрологии.

Итак: являюсь ли я сторонником гонки вооружений? Являюсь ли я противником разрядки международной напряженности? Отвечаю: я горячо желаю прекращения гонки вооружений; я рад ослаблению международной напряженности и я надеюсь, что процесс, условно именуемый "разрядкой", будет неуклонно продолжаться, т.е. разрядка сделается необратимой[†].

Но значит я как будто согласен с воззванием? Почему же я его не подписал? Отвечаю. /Сперва отвечу конспективно, а потом поясню свою точку зрения более подробно./

Во-первых, я согласен с положениями, содержащимися в заголовке воззвания, но я не согласен со многими важными положениями, содержащимися в тексте воззвания. В частности, я не согласен с тем, что вся вина за гонку вооружений возлагается односторонне на "империалистов" /т.е. по-видимому на западные державы/. Я не согласен также с тем, что прекращение гонки вооружений воззвание неразрывно связывает с коренными социально-экономическими преобразованиями и вместе с тем никак не связывает с мерами

[†] "Разрядка" может, конечно, пониматься по-разному; я понимаю под "разрядкой" например, соблюдение духа и буквы хельсинкских договоренностей во всех их частях. Что касается "необратимости" разрядки, то правильно, на мой взгляд, сказал гос. секретарь США Г.Киссинджер 19 сентября 1974 г., отвечая тем, кто опасается того, что советская политика разрядки представляет собой лишь тактическое изменение: "Тактическое изменение, продолжающееся в течение достаточно длительного времени, становится постоянным преобразованием".

по укреплению доверия и взаимопонимания между странами и народами. А к числу таких мер относятся не только предварительные уведомления о крупных военных учениях и крупных передвижениях войск, а в первую очередь — расширение контактов между людьми и свободное распространение правдивой информации и идей. Всемирный Совет Мира претендует на то, что в его рамках сотрудничают представители различных социальных слоев и классов, сторонники различных идеологий и политических систем. Тем не менее, Второе Стокгольмское воззвание имеет во многих отношениях гораздо более односторонний, тенденциозный политический характер, чем даже такой откровенно партийный документ, как принятый 30 июня 1976 года Конференцией 29 коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине итоговый документ "За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе" /в котором содержится требование бороться за строгое соблюдение международных Пактов о правах человека./

Во-вторых, я не понимаю, к кому направлено это воззвание и какова его цель. Если мне предложат подписать воззвание в защиту утверждения $2 \times 2 = 4$ или, скажем, за устранение раковой болезни из жизни общества, то я немало призадумюсь: какова цель подобных воззваний? Будут ли они способствовать прогрессу математики или медицины?

В-третьих, я подписал в 1950 году первое Стокгольмское воззвание и ныне прихожу к неутешительным выводам, сопоставляя эти два воззвания и пытаюсь оценить историческую роль первого Стокгольмского воззвания и прогнозировать роль второго.

В-четвертых, сбор подписей под Вторым Стокгольмским воззванием организован таким образом, что уважающий свою подпись человек

должен трижды подумать, прежде чем поставить свою подпись под этим документом, даже если он целиком и полностью согласен с каждым положением документа. /Если бы подобным же образом действовали сборщики подписей под каким-либо документом, не одобренным заранее властями, то можно не сомневаться, что власти обвинили бы их в подтасовке общественного мнения./

Поясню все сказанное подробнее. Начну с конца.

Подпись гражданина под каким бы то ни было документом может иметь моральный и юридический вес лишь при соблюдении, как минимум, следующих двух условий:

1. гражданин должен быть хорошо знаком с содержанием подписываемого документа и быть с ним согласен;

2. должна быть обеспечена принципиальная возможность в отношении любой подписи проверить ее подлинность и выполнение первого условия, а также выявить возможные повторные подписи того же человека и исключить такие подписи при подсчете общего числа подписей.

Второе условие может быть выполнено, лишь если каждая подпись легко читается либо сопровождается указанием фамилии и инициалов подписавшего /желательно - также и адреса/. Ни первое, ни второе условия не соблюдаются при сборе подписей под Вторым Стокгольмским воззванием: листы с текстом воззвания заполняются неразборчивыми подписями-закорючками, иногда даже вкривь и вкось. При этом подавляющее большинство подписывающих с текстом воззвания не знакомы и подписывают его, не читая. Ознакомиться с текстом воззвания не в момент подписа-

ния, а заранее было весьма затруднительно. В советских газетах текст воззвания опубликован лишь в середине июля 1976 г.¹, т.е. тогда, когда кампания по сбору подписей в СССР была уже в основном завершена. А уж про "рабочий документ" "25 лет после Стокгольмского вззвания", который был принят Президиумом ВСМ одновременно со вторым Стокгольмским воззванием и представляет собой, так сказать, авторский комментарий к этому воззванию, - и говорить нечего: очень немногие советские граждане не только читали этот документ, но хотя бы слышали о его существовании; я ни одного такого человека не встречал⁺. Надо сказать, что хотя советская пропаганда чрезвычайно много пишет о громадной роли движения в защиту мира, Всемирного Совета Мира, Всемирного конгресса миролюбивых сил и т.п., издания этих организаций почти полностью недоступны для советского читателя. Подробнее об этом я еще скажу ниже.

Большинство подписавших воззвание в СССР сделали это без какого-либо /сознаваемого ими/ давления. Однако широко распространенное убеждение, что отказ от подписи неизбежно повлечет неблагоприятные служебные или иные последствия, несомненно в ряде случаев побудило подписать воззвание людей, которые не вполне с ним согласны, а некоторых других людей побудило незаметно уклониться от подписания вместо того, чтобы открыто отказаться от подписи. /Должен, впрочем, заметить, что мой опыт не подтвер-

1. По-видимому, ошибка; текст опубликован в "Правде" от 4 июня 1975 г.

⁺ Документ напечатан в СССР в бюллетене Советского комитета защиты мира "Век XX и мир", 1975, № 10, с.8-16.

ждает в полной мере обоснованность такого убеждения: хотя из-за моих политических убеждений - и в том числе из-за отказа присоединиться к кампании осуждения А.И.Солженицына и А.Д.Сахарова - я был признан не соответствующим своей должности ведущего инженера и моя заработная плата была снижена почти вдвое, точнее - на 43%, и хотя я по той же причине много раз подвергался допросам и обыскам, притом с грубым нарушением существующих в СССР законов, а иногда и с полным игнорированием этих законов, - тем не менее я продолжаю работать на прежнем месте и фактически выполнять работу ведущего инженера, и моя заработная плата повышена хотя и не до 100% прежней зарплаты, но до 79%. И отказ от подписания воззвания не вызвал пока новых неприятностей./

В отличие от второго, текст первого Стокгольмского воззвания был лаконичен и предельно четок. Но вот вопрос: способствовало ли оно предотвращению войны? И еще: сохраняет ли оно и ныне свою моральную силу?

Начну с последнего. Упомянутый "рабочий документ" содержит в качестве эпиграфа полный текст Стокгольмского воззвания 1950 года, в нем, в частности, говорится: "Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия... Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник..." Сессия Президиума ВСМ, одобрявшая Второе Стокгольмское воззвание, в этом "рабочем документе" не жалеет слов для восхваления Первого Стокгольмского воззвания. Но соответствуют ли этому воззванию принятые сессией документы и новое Стокгольмское воззвание? Нет, не соответствуют. Более того, они ему противоречат. В "рабочем документе" говорится

/раздел III/ о необходимости *одновременного*

запрещения применения как ядерного, так и обычных вооружений. По существу то же, хотя и в менее четкой форме, содержится и в тексте Второго Стокгольмского воззвания. Такой же позиции придерживаются /во всяком случае после 1970 года/ советские дипломаты в ООН. Но ведь эта позиция не совместима с первым Стокгольмским воззванием. Эта позиция совпадает целиком и полностью с позицией противников Стокгольмского воззвания 1950 года. Советские делегаты в ООН клеймят ныне "манеры китайской дипломатии", предлагающей, чтобы ядерные державы приняли на себя обязательства не применять атомного оружия первыми⁺. Но ведь это совпадает с основным содержанием первого Стокгольмского воззвания! А ведь советские руководители в 1950 году тоже подписали Стокгольмское воззвание. Теперь же они не считают себя связанными его положениями. Изменились обстоятельства? Да, конечно. Тогда СССР отставал в ядерном вооружении и средствах его доставки от своего потенциального противника, но обладал превосходством в численности армии и в обычных вооружениях. Сейчас же в таком или почти таком положении находится Китай. И нынешняя позиция Китая по многим международным вопросам как две капли воды похожа на позицию СССР в 1949-54 гг. Поэтому, если верить в то, что первое Стокгольмское воззвание помогло сохранить мир, то логично было бы сейчас встать на китайскую позицию и осудить Второе Стокгольмское воззвание. Если же считать, что нынешняя китайская позиция одностороннего упора на отказ от применения лишь ядерного оружия не способствует сохранению мира, то нет никаких оснований считать, что этому способствовало и первое Стокгольмское воззвание.

⁺ См., например, Ефремов А.Е., Ядерное разоружение, М., 1976, ст.246, строки 13-15 и 25.

К кому обращено новое Стокгольмское воззвание? При подписании первого Стокгольмского воззвания мне было ясно, под чем я подписываюсь: мы /т.е. и я/ будем считать военным преступником то правительство, которое первым применит атомное оружие. Но что именно и от кого именно я потребовал бы, подписав Второе Стокгольмское воззвание? "Остановить гонку вооружений!" - прекрасно. Но к кому обращено это требование? В "рабочем документе" говорится /раздел IX/: "Разоружение может быть достигнуто лишь в результате терпеливых и спокойных переговоров". Это несомненно верно. И такие переговоры, как известно, ведутся и притом довольно успешно /хотя в них отказываются участвовать Китай и Франция/, Не помешает ли новое воззвание, полное пропагандистских "перехлестов", терпеливому и спокойному ведению переговоров? Есть старая, но до сих пор, увы, актуальная шутка: "В США, конечно, свобода: там можно встать перед Белым Домом и во весь голос ругать президента США, но ведь и в СССР не меньшая свобода: тут тоже можно встать перед Кремлем и во весь голос ругать президента США". Похоже, что составители Второго Стокгольмского воззвания руководствовались как раз этой шуткой. Ибо хотя призыв "остановить гонку вооружений" относится как будто ко всем, но многочисленные упоминания об "империалистах", "монополиях" и т.п. направлены на то, чтобы этот призыв мог быть воспринят как относящийся только к западным державам. То есть в СССР можно свободно требовать прекращения гонки вооружений... на Западе. А ведь на Западе борцы за мир требуют тех или иных действий прежде всего от *своих* правительств.

Этот "перекос" в деятельности движения в защиту мира еще более усиливается благодаря тому обстоятельству, что советская общест-

венность нередко попросту не знакома с содержанием документов этого движения. Ранее в СССР распространялся, хотя и с большими ограничениями, орган ВСМ журнал "В защиту мира", однако с 1963 года распространение этого журнала было прекращено[†]. В настоящее время советские граждане не могут ни подписаться на издания ВСМ и др. организаций движения за мир, ни купить эти издания в розницу /это относится, например, к уставу ВСМ, органам ВСМ - журналу "Новые перспективы" и газете "Курьер мира", материалам - состоявшегося в Москве! - Всемирного конгресса миролюбивых сил, бюллетеню - издаваемому в Москве! - Руководящего комитета Международного совета по продолжению действий и связям Всемирного конгресса миролюбивых сил, разработанному этим Советом проекту Хартии мирного сосуществования, международной безопасности и сотрудничества и др./.

Все эти документы предназначены лишь для общественности Запада, советским людям читать их не положено. В результате даже документы, по видимости даже не имеющие односторонней политической направленности, оказывают на практике одностороннее действие: они могут влиять на общественное мнение стран Запада, тогда как советская общественность от влияния этих документов изолирована.

Быть может, смысл нового Стокгольмского воззвания и призыва "Остановить гонку вооружений" в том, чтобы призвать каждого к отказу от участия в производстве и разра-

[†] Примерно в то же время было прекращено распространение в СССР журналов, издаваемых рядом других - даже прокоммунистических! - международных организаций: Всемирной федерацией демократической молодежи, Международным союзом студентов, Международной шахматной федерацией и др.

ботке новых видов вооружения? Тогда этот призыв должен отнести к себе прежде всего каждый из подписавших воззвание. Мне представляется, что взять на себя такое обязательство советскому гражданину по многим причинам очень и очень трудно. Впрочем, я не сомневаюсь, что многие советские инженеры, тесно связанные с разработкой новейших видов вооружения, спокойно подписывают призыв "Остановить гонку вооружений" и не считают, что присоединение к этому призыву требует от них изменить что-то в своем поведении. Тогда что же означает этот призыв? В середине июля 1976 года Второе Стокгольмское воззвание подписали руководители КПСС и советского правительства, в том числе руководители вооруженных сил и оборонной промышленности. Очевидно, они тоже считают, что призыв "Остановить гонку вооружений" совместим с деятельностью по укреплению *собственных* вооруженных сил и вооружений, а призыв "Сделать разрядку необратимой" совместим с почти полным лишением советских граждан информации, исходящей не только от руководителей и идеологов западных стран, но даже и от зарубежных компартий, движения в защиту мира и др. /даже предложения и мнения, высказанные *советскими* делегатами в ООН и других международных организациях, часто совершенно недоступны для советских читателей; даже доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС "О преодолении культа личности Сталина и его последствий" опубликован во всем мире, но недоступен для советских читателей; сперва его можно было прочесть в крупнейших библиотеках на английском и французском языках, но вскоре и эти издания запретили выдавать! Если б я стал продолжать примеры, мне не хватило бы и тысячи томов! А советская пропаганда смеет утверждать, будто у нас запрещена лишь "порнография и оголтелая антисоветчина"! - см. напр. предисловие А.Ча-

ковского к брошюре "Правда о культурном обмене", М., 1976/.

Воззвание клеймит "спекулянтов оружием". Означает ли поддержка советскими руководителями этого воззвания, что будут прекращены или хотя сокращены поставки советского оружия в самые разные страны /часто даже управляемые антикоммунистическими правительствами/?

Воззвание требует "навсегда исключить из жизни человечества агрессию". Означает ли поддержка советскими руководителями этого воззвания, что в будущем не повторятся такие действия, как ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 года вопреки воле чехословацкого правительства и даже руководства компартии? /Ведь эти действия полностью подпадают под определение агрессии, содержащееся в конвенциях по этому вопросу, участником которых является СССР./⁺ И что будут выведены советские войска из Венгрии и Чехословакии? /Ведь единственный смысл пребывания советских войск в этих странах состоит по-видимому в гарантировании невозможности неугодных советскому руководству изменений в путях строительства социализма в этих странах./

Если же Второе Стокгольмское воззвание ничего не требует от советских граждан и советских руководителей, какие же основания

⁺ А Венгрия 1956? Польша 1939? Финляндия 1939? Латвия-Литва-Эстония 1940? Они же 1939? Япония 1945? Иран 1941? Грузия 1921? Корея 1950? И много еще + множество случаев, возбуждающих подозрение из-за тщательного замалчивания обстоятельств: например, Тува 1944.

считать, что оно требует чего-либо от других?! Значит, оно вообще не имеет смысла!

Подчеркну, что я не согласен с теми, кто говорит об "обмане разрядки" или "опасности разрядки". Но я согласен с теми, кто призывает к тому, чтобы не упускать из виду связанных с разрядкой опасностей[†].

В упомянутом выше "рабочем документе" Президиума ВСМ /почти совершенно неизвестном советскому читателю/ говорится /в разделе IX/: "Силы мира призваны сыграть свою роль в деле создания климата, свободного от психологической войны и политики ненависти, от шовинизма и расизма. Мужчины и женщины, посвятившие себя служению культуре, образованию и информации, играют *важную роль в процессе разоружения* /курсив мой. - Э.О./, ибо их деятельность направлена на установление международных контактов и отношений между людьми, основанных на уважении к жизни и культурному наследию человечества". Можно ли не согласиться с этими словами? Но почему же во *Втором Стокгольмском* *воззвании* нет об этом ни слова? Не потому ли, что эти положения никак не согласуются с линией советской пропаганды и потому неуместны в документе, подлежащем широкому распространению в СССР /хотя бы и с задержкой во времени/?

По утверждениям советской пропаганды, войны начинаются по политическим и экономическим

[†] Характерно для нравов советской печати, что она эти понятия умышленно смешивает: например, когда "Юманите" пишет, что Сахаров указывает на связанные с разрядкой опасности, советские газеты утверждают, будто по словам "Юманите" Сахаров указывает на опасность разрядки.

причинам, "гуманитарные" же вопросы никакого отношения к предотвращению войн не имеют. В отличие от этого, руководитель профсоюзов США утверждает, что экономические связи никак не способствуют предотвращению войн, и делает упор лишь на гуманитарные вопросы и соблюдение прав человека. Я думаю, что обе эти точки зрения ошибочны. В отличие от Мини, я полагаю, что развитие экономических связей /конечно, если оно не ведет к односторонней зависимости одной страны от другой/ является мощным фактором, противодействующим войне. Однако еще более важное значение для предотвращения войн имеют меры, направленные на расширение взаимопонимания, на понимание чувств, образа мыслей, опасений и даже предрассудков других народов. Существующая в СССР всеобъемлющая цензура не только противоречит международным обязательствам СССР и КПСС /Пактам о правах человека, Хельсинкскому Заключительному акту, Берлинскому итоговому документу конференции компартий/, но и увеличивает опасность войны, так как приводит к совершенно превратному представлению советских людей о жизни в других странах и политике их правительств. Конечно, если сравнить с тем, что было при Сталине, то заметны весьма значительные сдвиги и в этом отношении. Тем не менее, сделано ничтожно мало.

Ряд положений воззвания заставляет думать, что его авторов сильно заботила необходимость противостоят китайской пропаганде. Однако я думаю, что правильный путь для достижения этой цели - не пытаться перехватить у китайцев первенство в демагогии, а показать на деле более привлекательный путь развития общества путем развития демократических свобод и экономических, а не административных методов руководства народным хозяйством.

Август 1976 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Л.И.БРЕЖНЕВУ

Уважаемый Леонид Ильич!

К Вам обращается мать политзаключенного Владимирской тюрьмы Александра С е р г и - е н к о. Что такое Владимирская тюрьма - сегодня знает весь мир. В мирное время, когда нет лагерей военнопленных, ничего более жестокого, более бесчеловечного на земном шаре не существует.

Мы с Вами, Леонид Ильич, люди одного поколения. Я немного старше Вас, посему по праву пострадавшей материнской души, для которой навсегда исчезли бюрократические условности, выскажу то, что велит совесть.

Мой сын тяжело болен - у него хроническая форма туберкулеза. В тюрьме болезнь обострилась. 20 июня 1976 года я имела с ним свидание - от него остались кожа да кости. Не хватает даже сил, чтобы шевельнуть губами - я едва могла услышать, что он хотел сказать. Не в состоянии ступить несколько шагов, не поддерживаясь за стены. И вот его, человека погибающего, признали совершенно здоровым! Признали только потому, что я в своих письмах на Ваше имя требовала его освобождения: дальнейшее его пребывание в тюрьме равносильно смертному приговору. Таким образом я, родная мать, позволив себе обратиться с мольбой о помощи к Вам, первейшему человеку нашей страны, своим опрометчивым поступком приговорила сына к смерти! Что может быть чудовищнее этого!? Ты ищешь защиты, а приносишь смерть... Там,

где нечто подобное происходит, уже нет надежды услышать доброе слово.

Мне стоило немалых усилий, чтобы снова обратиться к Вам с этим письмом. В моих ушах все еще звучат издевательские слова начальника Владимирской тюрьмы полковника Завьялкина: "Как мать вы должны быть довольны, что мы излечили вашего сына от туберкулеза. Сегодня он вполне здоров".

И так повсюду: "Здоров, вполне здоров". Что это — месть за мои письма в его защиту? Сняли с диспансерного учета, лишили даже тех небольших льгот, которые он имел как тяжелобольной. Оставили умирать без медицинского присмотра. О, великий Гиппократ! Ведь эти люди, получая дипломы врачей, клялись твоим именем посвятить жизнь духу любви к ближнему, духу братского сострадания. Кто же превратил их сердца в бесчувственные камни?..

Я не считаю этот трагический результат Вашим личным ответом на мои мольбы о помощи — я понимаю, что Вы моих писем не читали. Вместо Вас мне ответил полковник Завьялкин. И ответили тюремные стены, которые сегодня являются для моего сына единственной опорой. По крайней мере, они не отказывают в поддержке тогда, когда он валится с ног и никто другой его поддержать не желает.

Мне говорят: "Ваш сын — преступник. Какого же милосердия вы для него требуете?" Но ведь так говорили всегда.

Леонид Ильич! Вы — активный участник XX и XXII съездов. Боже, сколько было возмущений по поводу сталинских злоупотреблений властью! Сколько высказано сочувствия жертвам несправедливых репрессий! Было даже решено воздвигнуть памятник в Москве —

чтобы потомки не забывали о бесчеловечных жестокостях Сталина. Где же он — этот памятник?..

Мой сын совершил ровно столько преступлений, сколько их совершила я, когда меня бросили в бериевский лагерь на целых 10 лет. Это мне кланялись делегаты XX и XXII съездов, умоляя от имени Коммунистической партии не помнить зла. Скорбно выглядел немолодой полковник, вручавший мне документы о полной и безусловной реабилитации. Горько и торжественно звучали его слова: "Родина приносит вам извинения..."

Что же это было? Зачем было? Чтобы через какой-то десяток лет по моей терновой стезе тюремная стража повела моего смертельно больного сына? Сына, который вырос без матери — она, мать, была отторгнута от него преступной волей вооруженных чиновников, которые не привыкли никому давать отчета в своих действиях. И срок у моего сына тот же, что у меня — 10 лет!..

У него нет никакой вины перед народом — к ней было ее у меня. Разве это вина, когда не искушенный жизнью юноша верит решениям партийных съездов, осуждающим сталинщину? Разве это уголовное преступление, когда Конституция понимается буквально, а не аллегорически, как привыкли ее понимать в некоторых государственных учреждениях? Дескать, написанное к тебе не относится — это сочинили всего лишь затем, чтобы икон выглядела красиво.

Но Конституция существует не ради того, чтобы заменять нам иконы, а затем, чтобы ней жить. И верить каждому ее слову. В противном случае она превратится в ловушку для доверчивых юнцов. Морально ли это?..

Скоро мы, Леонид Ильич, уйдем с этой земли — останутся на ней наши сыновья и внуки. Вместе с нами уйдет поколение, которое было приучено Сталиным читать одно, а разуметь другое. Нашим сыновьям уже невдомек: как можно объявлять уголовным преступлением детские разговоры о выходе Украины из Советского Союза, когда этот выход в Основном Законе Государства объявляется священным правом украинского народа? Даже не агитация — какая там агитация? — а просто застольная болтовня вчерашних школьников на эту щекотливую тему влечет за собой 10, а то и 15 лет лишения свободы.

По этому же принципу было подписано и Хельсинкское соглашение: читай одно, а разумеешь другое. Но мы-то к этому привыкли /Сталин истребил десятки миллионов, чтобы научить нас этой страшной грамоте!/, а мир человеческий все еще живет по древней поговорке: написанное пером не вырубишь топором. Даже если этот топор обагрится кровью...

Зачем я пишу это письмо? Вот зачем, Леонид Ильич. Вы не бездетны — следовательно, не лишены отцовских чувств. Вам должно быть ясно, какое чувство я испытываю к людям, убивающим моего тяжело больного сына. То, что я об этом пытаюсь говорить по-человечески, уже само по себе достаточное свидетельство моего уважения к советской власти. На что же эти люди рассчитывают — неужели на то, что у меня снова найдутся силы сказать: "Ладно, прощаю"? А ведь это время придет — очень скоро придет! И снова ко мне явятся с коленопреклонными извинениями. Нет, больше не прощу! Даже на том свете не прощу. Иначе я потеряю право именоваться матерью.

Леонид Ильич!

Если даже считать, что мой сын действительно виновен, то и тогда его следовало бы освободить до суда. Повторяю: если бы даже он был виновен. Почему? Потому, что в народе говорят: долг платежом красен. Потому, что государство признало и подтвердило документально: оно лишило меня десяти лет жизни вследствие не моих, а своих собственных преступлений.

Десять лет можно возместить не чем-либо иным, а соответственно десятью годами. Поэтому я и требую: немедленно освободите моего сына, - его срок давным-давно отбыла за него я, его мать - узник бериевских концлагерей Оксана Яковлевна Мешко. Тогда, когда мне выдавался документ о полной реабилитации, у государства нечем было расквитаться со мной за содеянное зло. Сегодня есть чем: зачтите отбытый мною тюремный и лагерный срок моему сыну Александру Федоровичу Сергиенко, узнику Владимирской тюрьмы. И хотя он, по существу, не нуждается в этом, так как на нем вообще нет никакой вины, слезно умоляю Вас: **З а ч т и т е!** Иначе мой сын умрет. И тогда я, его мать, не смогу умереть спокойно: ведь это я его убила своим обращением к Вам, Леонид Ильич! Верила, все еще верила. И вот видите: снова пишу - следовательно, продолжаю верить... А, возможно, именно эта вера и является нашей главной виной? Нашей - это моей и Вашей, Леонид Ильич, так как мы с Вами - люди одного поколения. Мы творили общество, исходя из собственных фантазий. И во что же превратились наши фантазии?..

Однако я не сомневаюсь: решение XXII съезда рано или поздно будет выполнено - в Москве, наконец, появится величественный памятник жертвам государственного произвола. Неужели

Вам, Леонид Ильич, безразлично, какие слова
будут высечены на граните этого памятни-
ка?..

Оксана Мешко

29 сентября 1976 г.

*Владимир Войнович
Совершенно секретно!*

МИНИСТРУ СВЯЗИ СССР ТОВ. ТАЛЫЗИНУ Н.В.

Уважаемый Николай Владимирович!

С глубочайшей тревогой довожу до Вашего сведения, что в возглавляемой Вами отрасли народного хозяйства скрывается враг разрядки международной напряженности, захвативший ответственный пост начальника Московской городской телефонной сети.

Вот как мне удалось его обнаружить.

20 сентября сего года, решив воспользоваться услугами, предоставляемыми телефонной сетью своим абонентам, я позвонил в г. Бостон /США/ своему личному другу, поэту Науму Коржавину, и провел с ним разговор, содержание которого передаю приблизительно.

- Алло, - сказал я поэту Коржавину.

- Хеллоу, - отозвался он.

- Как живешь?

- Ничего. А ты?

- И я ничего.

В столице нашей Родины был день. Светлый день десятой пятилетки. Наши люди в порыве трудового энтузиазма возводили новые здания, управляли различными механизмами, варили сталь и давали стране угля.

В то же самое время в городе Бостоне была, естественно, ночь. Под покровом темноты орудовали шайки гангстеров, пылали факелы Ку-Кукс-Клана, дымилась марихуана, неудержимо падал курс доллара, потерявшие надежду безработные загодя выстраивались к бирже труда в такие длинные очереди, какие у нас бывают только за коврами и колбасой.

Очевидно, подавленный этой гнетущей обстановкой, а может, просто спросонья, поэт Коржавин на мои вопросы отвечал вяло и невпопад.

- Как Люба? - спрашивался я о здоровье его жены.

- Люба? - переспрашивал он с бестолковостью, соответствовавшей его отсталому мировоззрению. - Люба спит. А как Ира?

Думаю, Вам приятно будет узнать, что руководимая Вами система связи работала превосходно. Слышимость была такая, как будто сонный поэт Коржавин сидит не на противоположной стороне планеты, а где-то совсем рядом. Наш разговор, сам по себе не представлявший никакого интереса для постороннего уха /так мне казалось/, был, тем не менее, красноречивым подтверждением того, что мы живем в эпоху разрядки международной напряженности, когда сближаются континенты, когда контакты и обмен информацией /пусть даже пустяковой/ между людьми стали не только доступны, но и поощряются странами, подписавшими соглашения в Хельсинки.

Увы, торжество разрядки длилось недолго.

Утром следующего дня, сняв телефонную трубку, я с огорчением отметил, что она молчит, как рыба. "Что-то сломалось", - сказал я себе и пошел к ближайшему автомату.

- 151-28-53? - очаровательным женским голосом переспросило бюро ремонта. - Это ваш телефон?

- Мой?

- Выключен за хулиганство.

Я растерялся и положил трубку. Но потом позвонил опять.

- Простите, может быть я ослышался... за что выключен?

- Это ваш телефон? - снова спросили меня.

- Нет, не мой, - ответил я на этот раз.

- Выключен за неуплату.

Вопреки репутации хулигана я старался быть вежливым.

- Только что вы назвали другую причину. Пожалуйста, подумайте и ответьте поточнее, за что выключен мой телефон.

Кажется, она была смущена. А может, и нет.

- Ваш телефон выключен по распоряжению сверху.

- С какого примерноверху?

- А то вы не знаете?

- Я не знаю.

- Странно. - Она мне явно не верила. - Тогда позвоните по телефону такому-то, там вам скажут.

Я позвонил по телефону такому-то, а потом

еще по какому-то, а потом еще, еще и еще. Лица, с которыми я говорил, отказывались называть мне свои должности и фамилии, отвечали загадками и намеками на то, что я сам все хорошо понимаю /хотя я не понимал/, и вообще у меня было такое ощущение, что я звоню не на телефонный узел, а в какую-то подпольную организацию. С невероятным трудом мне удалось все-таки выяснить, что телефон мой отключен по распоряжению начальника Московской городской телефонной сети Виктора Фадеевича Васильева. Но за что?

Вот сижу я, любезнейший Николай Владимирович, в своей отрезанной от всего мира квартире и задаюсь этим самым вопросом: за что?

Ну, насчет неуплаты это, конечно, ложь. Услуги, оказываемые мне органами связи, я оплачиваю всегда самым аккуратнейшим образом. Мой портрет, как одного из самых примерных плательщиков, Вы могли бы смело повесить в своем кабинете или даже на улице перед зданием Вашего министерства.

Хулиганство? Но почему тогда меру наказанию определяет не суд, а телефонный начальник? И что будет, если его примеру последуют начальники электричества, лифта, газа, водопровода, канализации? Это же курам на смех! Это же может просочиться в газеты. Это может стать достоянием падких на сенсации западных "голосов" и армянского радио.

И в чем выразилось мое хулиганство? Поэту Коржавину я ничего хулиганского не сказал. Вы можете позвонить ему и проверить, если, конечно, не бойтесь, что и Ваш телефон после этого замолчит. /Впрочем, я думаю, у Вас есть несколько телефонов и, если даже один из них окажется отключенным, Вы сможе-

те временно пользоваться другим./ Может быть, хулиганством считается сам факт разговора с другой страной? Для чего же тогда предоставляются абонентам подобные хулиганские услуги?

Ответ "сами знаете" также не кажется мне удовлетворительным. Я не знаю, Николай Владимирович.

Даже при свойственной мне самокритичности я не могу усмотреть в своих действиях ничего хулиганского. А вот то, что Ваш подчиненный Васильев подслушивает чужие разговоры, лжет сам, заставляет лгать других и лишает людей возможности общаться между собой, это и есть самое настоящее хулиганство. Ну, можно подобрать и другие определения: беззаконие, произвол, самодурство - не знаю, что Вам больше по вкусу.

Дело, однако, не в определениях. Дело в том, что существуют /может быть, Вы слышали/ так называемые права человека, согласно которым человек имеет право не только, как поется в песне, "на ученье, отдых и на труд", но также и на другие мелочи. В частности и на такие, как свободно выражать чего кому вздумается, обмениваться информацией, идеями и вступать друг с другом в контакты. Я с Вами или с поэтом Коржавиным, или Вы с поэтом Коржавиным, или еще с кем Вам захочется, не испрашивая на то разрешения подчиненного Вам Васильева. И вот эти наши с Вами права считаются в цивилизованном мире настолько неотъемлемыми, что соблюдение их является одним из важнейших условий международной разрядки. Они упомянуты в различных международных соглашениях и торжественно провозглашены в тех самых Хельсинкских, подпись под которыми от имени Советского государства подставил лично Леонид Ильич Брежнев. Поэтому, отключая мой

телефон, Васильев не только себя поворачивает, как хулиган, но пытается посеять сомнения в искренности усилий Советского Союза по развитию процесса разрядки и ставит в неловкое положение лично товарища Брежнева.

Не мне Вам говорить, Николай Владимирович, что врагов разрядки во всем мире еще немало. Хорошего же они помощничка нашил себе в нашей стране! Ведь никому из них, даже пресловутому Джорджу Мيني не удалось еще выключить ни одного телефона. А Васильеву удалось. Слышал я, что делает он это не впервые, что телефонный террор под его руководством достиг небывалых масштабов.

Не знаю, как Вам, Николай Владимирович, а мне положение кажется угрожающим. Захватив телефонную сеть, враги разрядки могут пойти и дальше. А если они возьмут в свои руки еще и почту, телеграф, радио и телевидение, то тогда... Вы сами знаете, что бывает в подобных случаях.

Чтобы уберечь нашу страну от столь неприятных последствий, я прошу Вас безотлагательно отстранить Васильева от занимаемой им должности, а новому начальнику МГТС приказать включить мой телефон.

Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Владимир Войнович

Москва, 10 октября 1976 г.

"С ЗАПРЕЩЕНИЕМ ПИСАТЬ И РИСОВАТЬ..."

Эту женщину зовут Стефания ШАБАТУРА

Талантливая художница, патриот, представительница сегодняшней демократической украинской интеллигенции, она была арестована в январе 1972 года¹.

За любовь к Родине.

За мечту видеть Украину свободной, живущей по велению национального духа.

За неприказное, вольное Слово об этой любви и мечте.

За нарисованную в личном письме елочку, в которой особая экспертиза усмотрела зашифрованный трезуб - национальный украинский символ.

То есть за все то, что в нашем "Союзе нерушимом республик свободных" объявлено "буржуазным национализмом" и "антисоветской пропагандой и агитацией".

Стефанию Ш а б а т у р у бросили на пять лет за колючку Мордовского концлагеря, в уродливый мир отупляющего принудительного труда, окриков надзирателей, унижительных проверок "поштучно". Бросили в мир продуманной пытки глухим молчанием. Бросили в мир карцеров с ледяными лежанками и голодом.

1. С.Шабатура была арестована 12.1.72.
Срок: 5 лет лагерей + 3 года ссылки.

Самой мучительной пыткой стала для молодой художницы невозможность жить в своей творческой сущности.

"С запрещением писать и рисовать..." - с таким распоряжением, сделанным, говорят, собственноручно Николаем I, был сослан 125 лет тому назад в арестантские роты великий земляк Стефании - Шевченко. Они, сегодняшние истязатели С.Шабатуры, любят использовать этот пример, когда говорят о жестокости царских властей.

Но судьба Тараса Шевченко ждет сегодня каждого узника совести советских "исправительно-трудовых учреждений" - лагерей и тюрем. И для этого вовсе не надо высочайшей резолюции. Любой надзиратель отнимет у заключенного краски, переломит кисть. Нет, ни Закон, ни Инструкция формально не запрещают узнику рисовать, но в то же время и Закон, и Инструкция запрещают ему иметь при себе краски, кисти, даже цветные карандаши. Это ведь тогда в Оренбургскую царскую ссылку друзья могли прислать тоскующему Шевченко рулон бумаги и ящик /!/ красок. Сегодня ни один лагерный цензор не пропустит бандероли, если в ней окажется коробочка школьной акварели!

Лишить художника возможности творить /тем более в неволе, в уродливых условиях каторжного лагеря/ есть высшая бесчеловечность, жесточайшая духовная пытка.

Стефанию Шабатуру ожидало худшее.

В июле 1974 года в Мордовском лагере вдруг появился представитель Львовского КГБ /куратор С.Шабатуры/, который улыбочиво вручил художнице... краски, кисти, этюдник, бумагу.

О, что же произошло на белом свете, кто одолел силу всевластной Инструкции, нарушил Закон?

Стефании Шабатуре разрешили рисовать.

И вот уже она разминает отвыкшие, истомившиеся пальцы, оживает духом, и в короткие промежутки времени между карцерами /там, по-прежнему, и огрызок карандаша - в запрете!/, после изнурительного труда... рисунок за рисунком, .. за год с небольшим художница создает более 200 экслибрисов и живописных работ, эскизов будущих гобеленов.

Но... ничего не произошло на белом свете!

В конце 1975 года Шабатуре приказывают собираться "со всеми вещами". Этап. Перед этапом отбирают "недозволенное": краски, кисти и... все созданные Шабатурой произведения.

Разевает бездонное смрадное нутро "столыпинский" вагон, режут "воронки", лязгают засовы пересыльных камер - Стефанию везут на Украину, в родной Львов. Во Львовской тюрьме встречает тот же Шумейко, улыбается. И разыгрывается гнусный водевиль: Стефании показывают город - нарядный, сверкающий, сытый; в витринах - вышивки, ковры, гобелены.

- Смотрите, Стефания, .. ничего не изменилось, взгляните на эти лица, кому нужны ваши муки, ваша так называемая борьба?

Стефании дают понять, что судьба - в ее собственных руках. Стоит только... ну, небольшую бумажку... написать, что прежние взгляды были ошибочны, ... и она снова свободна, ... выбежит на улицу, сольется с этой

шумной, пестрой толпой, которая, возможно, вновь будет любоваться г о б е л е н а м и, е е г о б е л е н а м и, гобеленами члена Союза художников СССР Шабатуры...

Мы не знаем, как выглядело все это технически, какой медлил ей в уши улыбочинши соблазнитель, по каким проспектам и паркам ее возили.

Но мы утверждаем: этот жестокий спектакль /который в последнее время разыгрывают перед многими узниками совести, чуть ли не перед каждым узником-украинцем/ есть изощренная *психологическая пытка!*

Стефания Шабатура достойно выдержала ее. Она осталась прежней. В День прав человека, 10 декабря 1975 года, она, как и в прежние годы заключения, объявила голодовку - протест против отсутствия элементарных прав человека в СССР. И не прекратила эту голодовку даже за обещанное свидание с матерью...

И тогда обратные воронки и вагонзаки помчали Шабатуру назад, в мордовские бараки.

Здесь ждало ее новое испытание, новая чудовищная пытка - прямо на вахте ей прочли акт об уничтожении - путем сжигания - всех изъятых у нее работ.

Вандальски уничтожены уникальные авторские экземпляры: выполненные карандашом или тушью экслибрисы, эскизы будущих гобеленов - гобелены на темы древней истории Украины и до-Украины, гобелены на темы произведений Тараса Шевченко, Леси Украинки, ... размышления над композицией, рисунком, цветом гобеленов, над их формой - и, наконец, - цветы, цветы, которые так дороги каждому украинцу.

Экслибрисы Шабатуры были посвящены замечательным и дорогим ей людям, в их числе и политзаключенные, и люди, никогда не сидевшие; многие экслибрисы посвящены детям: Яреме Светличному, Двинке Калынец, Тане Кочубинской, Тарасу Чорновилу, Валику Морозу... - дитячьи экслибрисы. А среди взрослых экслибрисов - посвященные политзаключенным: Василию Романюку, Евгению Сверстюку, Василию Стусу, Эдуарду Кузнецову, Сильве Залмансон, Дарке Гусяк, Марии Пальчак, Игорю Калынцу, Вячеславу Чорновилу, Надийке Светличной, Ирине Сенник, Ирине Калынец, Оксане Попович, Нине Строкатой... и посвященные находящимся на воле - писателям Загребельному и Гончару, художникам по коврам Наталке Паук и Наталке Петрук, искусствоведу Логвину и многим другим. Всего около 70 экслибрисов.

Все уничтожено! Около 200 творческих работ.

А может быть, .. а может быть, все-таки не совершенно это кощунственное деяние? Может быть, акт о сожжении - просто еще один способ причинить боль, еще одна попытка сломить ее духовно, а ее рисунки, ее произведения - все-таки существуют?.. У Стефании еще теплится крошечная надежда.

Протестуя против вандализма, против издевательств, Стефания Шабатура держала в марте 1976 года двенадцатидневную *голодовку*. В это время она находилась в *карцере*. С середины апреля ее поместили в так называемое помещение камерного типа - ПКТ, на *строгий тюремный режим*, до середины октября. Все это время она была полностью изолирована от своих землячек-подруг-союзниц. Одна.

Четыре месяца не было писем от Стефании Шабатуры. Была оборвана последняя ниточка, связывающая ее с волей, с матерью...

Стефания Шабатура не совершила ни уголовного, ни "государственного" преступления. Преступление - подвергать ее террору, репрессиям и издевательствам, казнить ее физически и пытаться уничтожить духовно. Преступление - сжигать ее творчество.

Мы обращаемся ко всем, кому дороги свобода и искусство, к художникам, ко всей творческой интеллигенции с призывом - защитить Стефанию Шабатуру, защитить искусство и дух, казнимые в советских концлагерях!

Мы надеемся, что международные организации, посвятившие себя борьбе за человечность, за человеческие права, будут настойчиво добиваться возможности посетить "исправительно-трудовые учреждения", где мучают голодом и холодом Стефанию Шабатуру, где она томится "с запрещением писать и рисовать", где сжигают ее творческие работы.

Октябрь 1976 года

Дорожные. Недавно Стефания Шабатура имела личное свидание со своей матерью. Вначале было дано свидание только на сутки. Затем оно было продлено еще на двое суток.

В конце первого дня свидания Стефанию и ее мать посетило начальство. Матери Шабатуры продемонстрировали около десятка рисунков Стефании... - значит, не сожгли! - чтобы она сама увидела, какие "антисоветские" произведения создает ее дочь: заборы, колючая проволока...

- Но что же здесь антисоветского?

Стефания настаивала на том, чтобы матери показали ее рисунки /эскизы/, посвя-

щенные детям. Но больше никаких рисунков не показывали.

От С.Шабатуры потребовали расписку - справку о том, что теперь ее новые рисунки больше не изымают, не уничтожают. Только после такой справки соглашались продлить свидание.

Стефания Шабатура написала справку, указав, однако, что она не уверена в том, что завтра ее рисунки снова не будут изъяты и уничтожены...

Мальва Ланда

30 октября 1976 г.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ И ЗАРУБЕЖНЫМ ДРУЗЬЯМ

Сердечно благодарю отечественных и зарубежных моих друзей, передавших, письменно или устно, рождественские поздравления мне и моей семье.

Получая окольными путями в лагерь дружеские приветы из Москвы, Австралии, Англии, Бельгии, Соединенных Штатов, я постоянно радуюсь тому, что кратковременная попытка части русской интеллигенции выяснить основные проблемы нашей духовной и национальной жизни, попытка, взорванная высылкой Солженицына, удушением нескольких национальных журналов и ожесточением репрессий против русских патриотов христианского толка, не забыта в мире и привлекла внимание многих людей, обеспокоенных в наши дни утратой лучших национальных достояний, повсеместным падением нравов и дехристианизацией личности, доведенной до последних пределов.

К сожалению, чрезмерная тяжесть условий, в которых всем нам, болельщикам Земли Русской, приходилось здесь работать, даже не будучи за решеткой, крайняя осложненность межличностных и иных связей, а особенно вездесущее давление чуждой нам недоброй воли, возбуждали много недоумений, разногласий, нареканий и вздорных обвинений в наш адрес. Были голоса даже после моего ареста, которые, перекликаясь с формулировками вынесенного мне оптимального приговора, обвиняли меня и самиздатские патриотические журналы чуть ли не в мракобесии, чуть ли не в шовинизме. Но, видит Бог, некогда мое сердце не пылало гордыней и не возносилось высокомерно ни над каким народом и человеком.

Говорю это не для тех, которые вынесли мне приговор, потому что наивно было бы говорить им таким языком, им, не умеющим отличить правой руки от левой, но говорю это

иском, ищущим спасения в смиренномудрии и чистоте сердца.

Да и дело само, в котором был я добровольным и искренним участником, из того же духа исходило и к нему же было направлено, несмотря на все спотыкания наши и нечаянные столкновения от хождения ощупью в окружающей тьме.

Но вот и теперь, помещенный как бы в усиленное магнитное поле, в обостренном страдании за жену и детей, за бесприютную, неприкаянную человеческую душу, за жалкое, нестерпимо сиротское Отечество мое, в электрических разрядах сердечной боли вижу ясно и тут, что иного пути России ко Христу, кроме как путь национального самосознания, именно *национального*, нет.

Не из высокомерия, не из мирского самолюбования хотел бы я освятить эти слова, эти звуки: *русский, Россия, Русь*, но потому, что они еще сопряжены в наших душах, в памяти, в генах с духом незлобия, кротости и смирения, и алкания правды, и сопричастности Христу.

И если мир - вертеп, то *Россия* ясли, в которых должно родиться Христу...

Я счастлив той малой моей жертвой, которую Господь дал мне принести во имя духовного возрождения России и человечества.

Сердечно благодарю за внимание. Сердечно поздравляю всех с Рождеством Христовым.

Декабрь 1976 г.

В. Осипов

Мой адрес: 431200 Мордовская АССР,
Теньгушевский р-н,
пос. Барашево,
учреждение ЖХ 385/3-5
Осипов Владимир Николаевич
Адрес жены: Калужская обл., г. Таруса,
ул. Ленина, 34
Машкова Валентина Ефимовна

У К Л А З А Т Е Л Ь И М Е Н

- Акимов Ю.М. 52
 Алмазов Л.Е.,
 пред. Мосгорсуда, 59
 Алтунян Г.О. 39-43
 Альбрехт Владимир 3,
 36, 38, 39, 54, 71-75
 Альтман А. 79
 Амальрик А.А. 17
 Аникина А.В. 44-48
 Аракин В.Д. 96
- Баскаков Н.А. 96
 Бегун Иосиф 18
 Бертагаев Т.А. 96
 Беспалов Н.М.,
 зам.нач.РОВД, 46
 Богданова К.Т. 99
 Брежнев 91, 120, 121,
 123-125, 130
 Бутман Г.И. 76, 81
- Вайманов 89
 Валетов, ст.след.
 КГБ, 64, 65
 Вардуль И.Ф. 96
 Васильев В.Ф. 129-131
 Великанова Т.М. 56, 57
 Войнович В. 126-131
 Володин, нач.РОВД, 47
- Гаджиева Н.З. 96, 98
 Гинзбург А.И. 89-93
 Глаголева Р.В. 52
 Глузман С. 78
 Гончар 136
 Горелов Л.,
 прокурор, 49
 Горлов 14
 Градобоев А.А. 44,
 45, 49, 50
 Гриценко В., прокур. 40
- Гусаров В. 28
 Гусев С.В.,
 ст.след., 71
 Гусяк Дарка 136
 Гухман М.М. 96, 98
- Дениц, адм., 77
 Дешериев Ю.Д. 96
 Дубин, опер.уполн., 51
- Елевич С.Н. 45
 Елевич Э.К. 45
 Елисеев Ю.С. 96, 98
 Ефимов В.А. 96
- Завьялкин, полк., 121
 Загородный,
 сотр. КГБ, 64
 Загребельный 136
 Зальмансон Сильва 136
 Захарченко Василь 77
 Зверев Ю.М., прок., 69
 Зограбян Размик 77
- Кадыров,
 опер.уполн., 51
 Калынец Двинка 136
 Калынец Игорь 136
 Калынец Ирина 136
 Кассис В. 89, 91,
 92, 94
 Киссинджер Генри 108
 Климов Г.А. 96
 Кловацкий В.,
 пом.прокурора, 42
 Ковалев С.А. 56, 57, 97
 Колшанский Г.В. 96
 Корвалан 78, 79
 Коржавин Н. 54, 126,
 127, 129, 130
 Костина З.Т. 44, 45

Котов Р.Г. 96
 Коцюбинская Таня 136
 Крючков Н.Н. 58,
 62-64, 67-69
 Крючкова Л.В. 32-34
 Кудряшина В.И. 51
 Кузнецов,
 ст.лейт.КГБ, 82-85
 Кузнецов Эдуард 136
 Кумахов М.А. 96

 Лазарявичюс,
 ст.след.КГБ, 65, 67

 Ланда М.Н. 50, 132, 138
 Левин А.З. 39-41, 43
 Ленин 95
 Лисовая В.П. 52
 Литвинова 57
 Логвин 136

 Майтинская К.Е. 96
 Максимов В. 94
 Маркявичус,
 ст.след.КГБ, 51
 Марченко Анат., 89-95
 Машкова В.Е. 141
 Мельчук Игорь 96-100
 Мешко О.Я. 120-125
 Мيني Джордж 119, 131
 Миронов С.А. 96
 Михайлов М. 89, 91, 92, 94
 Михайлова В.И. судья,
 59-63
 Мороз Валик 136
 Мусаев К.М. 96

 Нахров, лейт.вн.службы,
 44, 45, 47
 Некипелов В.А. 101-106,
 132
 Некрасов В.П. 11, 12
 Никашкин, след., 64

 Никсон 91

 Орлов Ю.Ф. 54, 57, 93
 Орловский Эрнст 107
 Осипов В.Н. 139-141
 Остроухов М.М. член
 суда, 59, 62, 63

 Павловский,
 милиционер, 43, 45
 Пальчак Мария 136
 Панкратова В.П.
 член суда, 59, 62, 63
 Пастернак 29
 Паук Наталка 136
 Петрук Наталка 136
 Поляков, кап.КГБ,
 80, 81, 85
 Попович Оксана 136

 Расторгуева В.С. 96
 Романюк Василий 136
 Ронкин Валерий 28
 Руденко, прокурор,
 5, 36, 38, 50

 Сакалаускене 54
 Сахаров А.Д. 8, 40,
 54, 55, 57, 89, 90, 93,
 97, 100, 112, 118
 Сверстюк Евг. 136
 Светличная Н. 136
 Светличный Иван 77
 Светличный Ярема 136
 Сенник Ирина 136
 Сергиенко А.Ф. 120,
 124
 Слюсарева Н.А. 96
 Солженицын 54, 112,
 139
 Сталин 116, 119, 122,
 123
 Строката Нина 136

Стус Василий 136
 Таланов А.М. 64
 Талызин Н.В. 126, 129-131
 Твердохлебов А.Н. 7, 21, 22, 51, 52, 55-59, 61-69
 Тенишев Э.Р. 96
 Тихонов, сотр. прокуратуры, 71-74
 Томашевская, прапорщица КГБ, 12
 Трубачев О.Н. 96
 Трухин П., ст. сов. юстиции, 43
 Турчин В.Ф. 54, 57
 Украинка Леся 135
 Федосеев Н.Е. 86
 Фельдман 89
 Фокин С.Я. 99
 Фрунзе 87
 Хайдаков С.М. 96
 Харитонов, следователь КГБ, 37
 Ходорович Т. 132
 Хрущев 116
 Чаковский А. 117
 Чалидзе В. 14, 19
 Чемоданов И.С. 96, 99
 Черейский А.М. 65
 Чорновил Вяч., 136
 Чорновил Тарас 136
 Шабатура Стефания 132-138
 Шафаревич И.Р. 100
 Шахвердян Баграт 77
 Швейцер А.Д. 96
 Шевченко Тарас 133, 135
 Шевчук, опер. упол. опер. уполн., 51, 64
 Шиханович Ю. 4, 11
 Штерн 89
 Шумейко 134
 Энналс Мартин 54
 Юзепчук, ст. след. КГБ, 36-38
 Юлин, прокурор, 50
 Якименко С. 52
 Ярцева В.Н. 96, 98

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир А л ь б р е х т: Брошюра "Как вести себя на обыске."	3
Заявление з/к Б у т м а н а Г. И. началь- нику Пермского Управления исправительно- трудовых учреждений /ИТК-35/	76
Анатолий М а р ч е н к о: Публичный ответ газете "Известия"	89
Игорь М е л ь ч у к: Открытое письмо коллегам	96
Виктор Н е к и п е л о в: Почему я не подписал Стокгольмское воззвание	101
Эрнст О р л о в с к и й: Почему я не подписал Второе Стокгольмское воззвание	107
Оксана М е ш к о: Открытое письмо Л.И.Брежневу	120
Владимир В о й н о в и ч: Министру связи СССР тов.Талызину Н.В.	126
Т.Ж о д о р о в и ч, В.Н е к и п е л о в, М.Л а н д а: "С запрещением писать и рисовать..."	132
В.О с и п о в: Рождественское поздравление отечественным и зарубежным друзьям	139
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	141